

ЭШАФОТ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

в трёх частях

СЕРГЕЙ КОЛБИН

16+

Сергей Колбин

**Эшафот на пьедестале.
В трёх частях**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Колбин С. Б.

Эшафот на пьедестале. В трёх частях / С. Б. Колбин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06942-8

В книгу вошли все части трилогии о разбойниках, обитавших на побережье Псковско-Чудского водоёма и в Сороковом бору с семнадцатого века и до недавнего времени. Первые две части написаны на основе преданий, легенд и архивных документов. События изложенные в третьей части вымышлены, а совпадения её персонажей с реальными людьми случайны.

ISBN 978-5-532-06942-8

© Колбин С. Б., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Топор и плаха	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог

За десять тысяч лет до Рождества Христова, во времена глобального потепления, ледник, ползший с севера, основательно изменил поверхность Земли. Нельзя сказать, что он её вздыбил; местами, о которых пойдёт речь, даже пригладил. Правда, одна из последних ледяных плит треснула, а образовавшимся зубом наволокла горищу и, запнувшись об неё же, взрезала земную твердь, словно гигантским плугом, прыгающим в обессиливших руках. Через какое-то время под тёплыми ветрами она растаяла, заполнив водой образованные ей же углубления, а с горы открылась удивительная панорама – на севере, под лучами солнца, блистал километровой высоты айсберг! Продавив своей чудовищной массой углубление, он остановился и начал разрушаться.

Одно из племён, кочующих от засухи с пожарищами, увидев такое чудо и долгожданную влагу, решило здесь обосноваться. Обилие талой воды привлекало не только людей – звери и птицы занесли сюда семена растений и икринки, а когда айсберг полностью растаял – образовалось огромное озеро с множеством рыбы; берегами, поросшими пышной растительностью, где обитали многочисленные животные и гнездились разнообразные пернатые. Пришельцы нарекли водоём «Чудо-озеро», а сами стали называться чудью. Многие лета жили они безбедно – всего необходимого в ту пору хватало, поэтому нрава были добропорядочного. Сытные места привлекали и другие племена, с которыми чудь дружила и смешивалась, но берега Чудские безграничные – наступило время, когда родные места пришлось отстаивать с оружием в руках. Потекла череда веков, и завертелась карусель истории всё быстрее и быстрее: междоусобные войны, религиозные разногласия, распри между обогатившимися индивидуумами, гнёт своих же соплеменников, разбойничий беспредел...

Часть 1. Топор и плаха

Осенним днём 1640 года долго брёл Авдей куда глаза глядят: пересекал сосновые боры, моховые болота, обходил озёра, переправлялся через ручьи и речки; пока не упёрся в высокую гору, поросшую молодым ельником. Забравшись на неё из последних сил, он распластался вдоль упавшего ствола берёзы на западном склоне и, подставив лицо предзакатному солнцу, задремал. Его лицо с горбинкой на носу и ещё юношеской, шелковистой бородкой утомилось от мятежности. В голове же роились сладкие и горькие воспоминания прошедшего лета, а особенно ужас дня сегодняшнего.

Как только начались парные летние ночи, стали они встречаться с Марьянушкой у заветного дубка еженедельно. И какой же у неё был ласковый голосок, какие нежные пальчики, а глаза какие бездонные.

– Ты не смотри, Авдошенька, что живу я у тётки без отца с матерью, себя соблюдаю, и буду женой твоей только после свадьбы, – говаривала она, отстраняясь от чрезмерно горячих поцелуев.

– Благословение и мне не от кого получить – сама ведь знаешь, сирота я тоже. Вот получу осенью расчёт у хозяина, и обвенчаемся, а там махнём в далёкие края, как птицы перелётные – говорят, есть счастливые места на земле.

Сладилась любовь у них прошедшим летом на посиделках молодёжи, называемых сумерками. С тех пор не могли они жить друг без друга. Не положено встречаться молодым наедине до свадьбы – таковы были нравственные устои, которые жёстко контролировались родителями, кои стигнули у наших голубков в лихие годы. Вот и встречались они, но всё равно тайно, как бы чувствуя вину перед предками.

Беда пришла на исходе тёплых деньков – силой обесчестил Марьяну местный богатей, хозяин Авдея и всех здешних мест, Дементий. Не перенесла позора девушка – утопилась в пруду где мочили лён. Когда увидел Авдей её застывшее лицо – волосы на голове колыхнулись, и спокойный доселе парень враз переломился душой, задумав страшно отомстить злодею.

Сама судьба помогла в осуществлении мести. Под осень занемог кучер Дементия, и хозяин посадил на лучки своей кареты молодого и сильного парня. Высокий и жилистый Авдей прошлой зимой спас хозяина на охоте, всадив пику в бок насевшему медведю. И вот теперь, когда прошёл слух, что снова начали шалить в Сорочьем бору разбойники, пригодился. Накануне, вечером, Авдей получил приказ от хозяина готовиться завтра в дорогу – путь лежал в Псков-град.

Выехали рано утром. Хозяин, ещё крепкий телом зрелого мужика, при хорошем настроении, сел рядом на лучки и завёл разговор:

– Ну, что, Авдошка, не боишься лихих людей? Говорят, недавно обоз грабанули!

– Отобьёмся, если доведётся, пика всегда при мне, – Авдей, согнувшись, погладил древко короткого копыя, лежащего под лучками.

– А, ты парень хваткий, медведя лихо в прошлом году насадил. Нынче пойдём на зверюгу?

– Можно и пойти, – ответил Авдошка хрипловатым голосом, едва сдерживая волнение в предчувствии скорой мести.

– Если что, гони лошадей не жалея, они у меня крепкие, а загонишь, новых запряжём. Что-то меня сморило, остановись – в карету сяду.

У Авдея дрогнуло внутри – может сейчас – нет, рано. Дорога пролежала мимо лесного озера, вдоль самого берега. Называли его Рачевым не зря – Авдей ещё мальчишкой с голодухи прибегал сюда подкормиться раками. Нагишом, разыскивая норы, он прекрасно изучил рельеф дна и знал свал, с которого начинается глубина. Когда показалась синеющая полоска

озера, у Авдошки бешено заколотилось сердце и застучало в висках. Перед развилкой к съезду в воду он, достав пику, кольнул каждую из лошадей в круп. Кони понесли и, повернутые вожжами, захрапев, врезались в зеркальную гладь. Авдей, с трудом удерживая равновесие, ещё раз ткнул их копьём – обезумевшие лошади потеряли опору под копытами. Карета, из которой послышалась брань, начала медленно заваливаться на бок. Авдошка вскочил вначале на крышу, потом перебрался на оседавшую боковину – из окна, уже заливаемого водой, с ужасом глядели глаза Дементия.

– Это тебе за Марьяну, за Марьяну, за Марьяну!!! – С диким криком Авдей замахнулся пикой. Дементий, поняв оба варианта смерти, выбрал второй – пустил пузыри.

* * *

Проснулся Авдей от тени на фоне утреннего солнца, пробежавшей по лицу – над ним стоял детина с поднятым колом (он – то и бросил тень). Удар пришёлся по берёзе – Авдей резко откатился, вскочил и бросился в сторону. Детина за ним, размахивая своим увесистым оружием, слишком длинным, при ударах цепляющимся за деревья. Беглец, сделав петлями небольшой круг, вернулся к месту ночлега, подхватил пику и, развернувшись в боевую стойку, прокричал:

– Остынь, а то наколешься!

Детина, выкатив глаза, в растерянности остановился, а потом пробасил:

– Ты откель, парень, такой шустрый?

– А я из тех ворот, откуда весь народ!

– Небось, и деньжата у тебя в кармане имеются?

– У меня в кармане – вошь на аркане, а в руках – смерть твоя!

– Как ты нас выследил, нищий паренёк, и кто твой хозяин?

– Хозяин мой на дне озера раков кормит, а слежу я только за зверьми на охоте, за людьми не доводилось.

Детина обернулся и, засунув два пальца в рот, громко свистнул. Вскоре на гору поднялись пять человек, такого же затрапезного вида и, подойдя поближе, начали пристально рассматривать незнакомца. Самый здоровый, с угольно-чёрной бородой, пошептался с детинкой и, почесав затылок, произнёс:

– Ну, вот что, парень, лихие люди мы, а ты или с нами останешься, или молитву читай – иного пути у тебя нет!

Авдошка долго смотрел в глаза чернобородому, а потом нехотя, сглатывая слюну, ответил:

– Видно, сама судьба привела меня к вам – некуда идти, грех на мне тяжкий – так что принимайте к себе, добрые разбойнички!

Мужики загоготали. Чернобородый подошёл к Авдею и, похлопав того по плечу ладонью, как лопатой, спросил:

– Звать-то тебя как?

Получив ответ, назвал сам и представил поделщиков:

– Архип я – главным буду тут. Этот, что приласкать тебя хотел дубиной, Никита. Сивый Гаврила, одноглазый Иван, а толстяк – просто монах, без имени. Ну, пошли смотреть хоромы – жить тебе в них, если не сплоскаешь, до смерти.

Они спустились по крутому северному склону и оказались у подножья верхней части горы. Небольшая утоптанная площадка была окружена густым ельником, а несколько молодых ёлок как-то неестественно заслоняли склон. Архип раздвинул их, и перед ними открылся лаз.

– Проходи, новобранец, не стесняйся.

Авдей, склонившись, вошёл в проход. Где-то в глубине мерцал отблеск лучины. Шагов через десять низкий свод перешёл в высокую просторную камеру, где можно было стоять во весь рост. Посередине выложенные кругом угадывались закопчённые гранитные камни, между которыми тлели угли костра. По краям, вдоль стен, был настелен еловый лапник – видимо, для спанья. В противоположной стороне от лаза на чурках располагалась колода, над которой горела лучина, и где кто-то ел из котла варево.

– Ну, присаживайся, Авдошка, похлебай, небось, изголодался. После недавней вылазки, у нас даже хлеб есть, – предложил атаман.

– Алёшка, кашевар! Угощай гостя – он к нам надолго.

Сидящий за колодой, худой и чумазый парнишка, молча подал деревянную ложку и ломоть хлеба. Авдей с жадностью набросился на еду. Насытившись, он первым делом спросил:

– А дым-то, куда из кельи уходит?

Парнишка подал писклявый голосок:

– Вона, наверху, осина пустотелая врыта.

Архип дождался, когда гость положит ложку, и только потом решительно потребовал:

– А теперь рассказывай в подробностях, как оказался здесь, только без вранья, а то сам знаешь, что будет!

Авдей повторил то, что с ним произошло и что прокрутилось в голове за минувшую ночь. Когда он закончил, возникла пауза, после которой чернобородый с интонацией доверия к сказанному, медленно, с хрипотцой произнёс:

– Да, парень. Сломалась у тебя жизнь. Но не унывай – у всех нас произошло что-то подобное, а у иных и похлеще. Пойдём-ка на гору, погреемся на солнышке да побалакаем. А вы, ребятки, разомнитесь на дровишках – зима будет длинной и холодной.

При ясном дневном свете с вершины горы открылась великолепная панорама: на севере виднелась тёмно-синяя гладь Чудо-озера, простирающаяся до самого горизонта; на востоке, под горищей, текла, блестя струями, небольшая речка; на юге к подножью холма примыкало маленькое озерцо, с голубого цвета поверхностью; на западе низины моховых болот чередовались с высокими сопками, поросшими сосновым лесом. Лепота! И Авдей, и Архип, безусловно, чувствовали это, но восторгаться им было невдомёк – просто хорошо, и располагает к открытой беседе.

– Перво-наперво скажу тебе, Авдошка – без моего дозволения ни на шаг – враз догоним. Знаешь почему?

– Догадываюсь. Здесь ваше логово, а если прознают, то всем крышка.

– Смотри-ка, смыслённый! Пика твоя пока побудет у меня – не взыщи. Пойдём на дело – получишь. Откуда она у тебя, такая мудрёная?

– Отец в бою с ливонцами добыл. От них же, вместе с матерью, опосля и смерть принял. Это всё моё наследство.

– Да, моих родителей тоже супостат порешил. А братишек младших своя же гнида на вилы насадила...

У Архипа на миг дрогнул голос.

– Вот теперь я их и насаживаю!

Они долго молча сидели на поваленном дереве. Поднявшийся ветер порывами стал заваливать лопату бороды Архипа, а Авдошкина шелковистая лишь пошевеливалась под упругими струями гонимого воздуха.

– Ну, ладно, иди мужикам пособи, да обнюхайтесь, а то на деле можно и топор в спину получить.

Авдей двинулся в сторону стука дровосеков, а Архип спустился в логово.

– Алёшка! Бери нищенскую суму и отправляйся в Ямскую слободу. Разнюхаешь: кто куда собирается, что повезут, какие новости. В общем, не впервой – знаешь, что нам нужно. А,

главное разузнаешь про карету с Дементием – не врёт ли наш гость, а то не ровен час засланный. Три дня тебе на всё – раньше не возвращайся, и больше, чем на день не опаздывай. Да, вот ещё – соли купишь.

Архип подошёл к бочке, стоящей в углублении стены, с большим трудом вывернул её оттуда и, запустив руку, достал пригоршню медных монет.

– Здесь тебе на котомку соли с избытком хватит, а остаток таким же нищим раздашь. Не скупись – сам такой!

Довольный шуткой, Архип гоготнул.

На четвёртый день Алёшка, с синяками и пустой котомкой, приковылял на гору. Архип завёл бедолагу в логово, а всем велел погулять.

– Ну, что там у тебя случилось?

– Шёл по тракту, в аккурат у Рачевского озера. Налетели, как коршуны, воеводы услужники – пытали да расспрашивали.

– Что им было нужно?

– А, всё про лихих людей расспрашивали да про тебя, чернобородого.

– Сказал что?

– Упаси Господь – ты ж мне как родной отец!

– Что там с Дементием?

– Правду сказал Авдошка – закопали Дементия, сам видел.

– Туда ему и дорога, кровососу! А, соль где?

– Так ведь услужники всё выгребли да ещё наkostenяли.

– Сколько их было?

– Десятка три, а может и более.

– А что за оружие у них?

– Копья да сабли, а у одного пицаль видел самострельную.

– Да, всерьёз за нас взялся воевода!

За обедом Архип сообщил подельникам новости, принесённые Алёшкой.

– Ну что, ребятки – ещё неделю придётся дровишками позаниматься, а то, не ровен час, на засаду можно напороться. Харчи пока есть, вот с солью плохо – не принёс кашевар. Архип на минуту задумался.

– Отправляйтесь, монах с Никишкой, в береговые деревни, да только не в ближайšie. Раздобудьте соли, а лучше купите – рыбаки народ зажиточный, деньги любят.

– А чего не в ближайšie? – встрял Гаврила.

Атаман пояснил:

– Волк и тот вблизи логова скотину не трогает, а нам, по всему, умнее следует быть.

– Ну, а мы с Авдошкой охотой займёмся – солонина зимой не лишней будет.

Через день, на рассвете, Архип вернул Авдею пику. Сам же, сунув топор за пояс, кивком головы дал понять, чтобы тот двигался за ним. Накануне, вечером, они обговорили план охоты: чернобородый должен будет подманить лося голосом (у быков гон в самом разгаре), а Авдей из засады постарается сработать пикой.

Двигаясь звериной тропой вдоль болота, Архип периодически подавал хрипящий, отрывистый звук:

– Ххоооп, ххоооп!

Первый ответивший лось вначале приблизился, но потом стал голосить на месте. Чернобородый определил:

– Этот не варится, пошли дальше.

Следующий бык понёсся без опаски на звук якобы соперника. Покрутив поднятой бородой, Архип указал Авдею куст бузины, где следовало затаиться, а сам, перебежав поляну, скрылся в зарослях лещины, откуда продолжил дразнить лося. Авдей ещё издали слышал

стук рогов о ветви деревьев и тяжёлое дыхание зверя. Расчёт Архипа оказался правильным – лоснящийся тёмно-коричневый бык, выбежав на поляну, остановился, выискивая соперника. В этот момент со стороны, где скрылся чернобородый, донёсся хруст сучков – лось мгновенно двинулся в эту точку, как раз мимо куста бузины. Авдей, чуть пропустив зверя, в три прыжка подскочил и со всей силы всадил пику под лопатку. Лось, не останавливаясь, повернул шею в сторону охотника, сверкнул обезумевшими глазами, и, сделав несколько шагов, рухнул.

Из орешника вышел улыбающийся Архип:

– Молодец Авдошка, умело сработал! По правде, сомневался в тебе – больно молод, а теперь и на дело взять не побоюсь.

Авдей, сдерживая волнение от схватки со зверем, постарался остаться равнодушным к похвале. Они молча начали разделять тушу. К вечеру мясо было перенесено в табор, а из чела логова исходил дразнящий ноздри аромат варившихся потрохов. Монах с Никитой подоспели вовремя, и не с пустыми заплечными мешками. Горсть соли в котёл, часть в бочку с лосятиной – день прошёл не зря, а награда – свежатины до отвала. Насытившись, Авдей лёг на еловый лапник, и перед тем как провалиться в сон, с горечью вспомнил, что больше нет его Марьянушки...

Ещё несколько дней разбойники занимались вполне мирным делом – заготовкой дров. Во время работы произошёл случай, предсказанный Архипом. Никита и Гаврила валили деревья, Авдей с монахом обрубали сучья и делили стволы на поленья, а Иван с чернобородым таскали их поближе к схрону. В один из моментов, когда Архип унёс очередную вязанку, начало валиться подрубленное дерево, но обычного предупреждения «поберегись» не последовало. Монах, почуяв неладное, с мычанием отскочил в сторону, а Авдей уже не успевал. Он лишь выпрямился и, глянув вверх, сделал всего один, но расчётливый шаг. Берёза с шумом упала прямо на него – дровосеки замерли – среди ветвей стоял невредимый Авдей со стволом дерева у груди и толстыми сучьями по бокам. Как ни в чём не бывало он начал обрубать ветви с берёзы, только что чуть не погубившей его. Авдошка понял, что произошедшее не случайность, а проверка, устроенная ему Никитой, с одобрения Гаврилы. Подельники переглянулись, а монах покрутил пальцем у виска, на котором появились капельки пота. Вернувшийся Архип ничего не узнал, ни в этот день, ни впоследствии – проверка ведь только началась.

Перетаскав последние дрова, атаман сделал сообщение:

– Ну что, ребята! Завтра идём на дело, а то зима не за горами – надо бы запастись харчами да одежкой.

Накануне Алёшка пришёл с очередной разведки и сообщил, что в деревнях народ готовится к ярмарке – самые прыткие обозы уже тронулись.

Ночью вызвездило, а утром поблёкшая трава осеребрилась инеем – первый заморозок! Тропа звучно хрупала под ногами шестерых разбойников (Алёшка остался в логове). Впереди шёл Архип, уверенно поворачивая на развилках с одной звериной тропы на другую. На Никитин вопрос «Куда идём-то?», он недовольно произнёс:

– Цыц! Узнаешь ещё.

К середине дня они подошли к реке Тихоне, где на луговом покосе, самом дальнем от ближайшей деревни, привалились к стogu. Архип, отдышавшись, прервал длительное молчание:

– Самый нетерпеливый (он глянул на Никиту), пойдёшь под вечер в деревню. Возьмёшь лодку, да такую, чтобы всех одним разом через реку перевезла. Да смотри не попадись кому на глаза, а то враз скумекают. Шалить будешь – закопаю! Понял?

Никита, сверкнув глазами, явно обиделся на предостережение, но ответил с покорностью:

– Всё сделаю как надо, не впервой.

Архип продолжил:

– Вон, видишь, в ивняке берёза развилистая стоит? Под ней вёсла должны быть, если никто за год не наткнулся. Сходи, принеси.

Вскоре Никита вернулся с парой вёсел на плечах.

– Ну ты и запасливый, Архип!

Здесь неожиданно подал голос Гаврила:

– На то он и атаман, чтобы обо всём думать, а не только о бабах!

Никита открыл рот, но Архип обрезал:

– Хватит! Будете лаяться – новых псов наберу!

Под вечер Никита ушёл в сторону деревни, а оставшиеся, зарывшись в сено, задремали.

Авдею не спалось – перед глазами опять была Марьянка, которая виделась ему, как зоренька в ясный день, а на душе скребли кошки. Горькие думы роились в забубённой Авдеевой головушке: «А, правильно ли он поступает? Марьянушка ведь уже отомщена! Нужно ли завтра проливать кровь, возможно, невинную? Как отличить злодея от безвинного человека?».

В это время издалека донёсся вечерний крик петуха и перед тем, как провалиться в сон, Авдея, впервые за последнее время, посетило приятное видение: «Как всё же хорошо слышать такие обыденные звуки, работать, любить и не тужить...».

Ночью что-то прошумело, кто-то толкнул в бок, но голос Архипа всех успокоил:

– Это ладья пришла! Всем спать!

На рассвете лихие люди в тумане переплыли реку, затащили лодку в тростники и двинулись за атаманом. Вскоре они вышли на дорогу, около которой Архип, собрав всех в круг, начал наставления:

– Никишка! Вырубишь жердь, дорогу перегородить – знаешь своё дело.

Тот утвердительно кивнул.

– Ждём пару телег, обозы и одиночки пропускаем. Я даю команду и жердь поперёк. Первую телегу берём мы с Никитой и Авдошкой, вторую остальные. Ну, с Богом!

Монах, перекрестившись, вместе с подельниками отошли поодаль. В лесу несколько раз стукнул топор, и донеслось пыхтение – это здоровяк Никита притащил жердь. Вместе с ней он залез под раскидистую ель, где притаились атаман с новичком. Архип сдвинул ладонью Авдееву руку повыше локтя и сурово прошептал:

– Ну что, дружок, тебе пикой надо будет снять возничего. Не вздумай пожалеть – грех беру на себя.

Дорога из укрытия хорошо просматривалась, а слышно было так за версту. Первый обоз в десяток телег прокатил с говором седоков, храпом лошадей да стуком кованых копыт. Следующий, вдвое меньший, проследовал таким же манером только к полудню. Ожидание становилось томительным. Первым не выдержал Никита:

– Надо было брать последний обоз, справились бы, а то сегодня больше и не будет!

Архип молча поднёс сжатый кулак к носу непоседы, и в это время послышались звуки с дороги – первой катила карета, а за ней всего одна телега. Чернобородый положил руку на плечо Никите, тот напрягнулся, толчок – детина с огромной жердью выскочил на дорогу, перегораживая её. Пара каретных лошадей с ржанием вздыбилась и остановилась, как вкопанная. Другой рукой Архип толкнул в спину Авдея, который выскочив на обочину, метнул пикой – возничий с ужасными воплями повалился с лучков. И началось... Архип топором, а Никита ножом орудовали в карете; от телеги донеслись вопли и вой, перемешанные с матерщиной. Авдей застыл на месте – его будто парализовало. Через несколько минут бойня завершилась. Быстро собрав всё, что представляло ценность, разбойники двинулись к реке. Не мешкая, они переправились и заспешили к логову. Перед этим Архип оттолкнул ладью, чтобы та уплыла по течению, а вёсла занёс под ту же берёзу с развилкой.

* * *

Зима могла начаться со дня на день, но перед этой неизбежностью выдалось несколько погожих деньков с тихими безморозными ночами.

Отоспавшись, Авдей затосковал по Марьяне, по прежней жизни и, чтобы развеяться, стал искать какой-нибудь работы для молодого тела. Под горой, на противоположной стороне от логова, располагалось небольшое озерцо. По рассказам Ивана, в нём водились лини и щуки – он пробовал ставить ивовые вентера с берега, но попадалась только мелочёвка, которую в котёл кидать стыдно, хотя всплески говорили о наличии и крупной рыбы. Авдей намекнул Архипу, что может попробовать наловить рыбы, но для этого надо срубить плот и помощника при ночной ловле. Чернобородый на удивление легко согласился:

– Попробуй! Разомни косточки – зима будет долгой – ещё належишься. Только топором стучи днём и в ветер, чтобы эха не было, а то засечь могут. Иван согласился помочь при ловле, но плот делать отказался:

– Пустяшная затея. Порыбалить завсегда согласный, а зря пупок рвать не стану.

Два дня потратил Авдей на изготовление плота да лучин из смолистых сосен, и вот к очередной ночи всё было готово. Когда полностью стемнело, рыбаки отчалили от берега. Авдей с зажжённой лучиной и своей незаменимой пикой расположился впереди, а Иван толкал плот шестом сзади. Поначалу ничего видно не было: то плот шёл слишком быстро, то глубоко – свет от лучины не пробивал до дна. Авдей шумнул на напарника:

– Ивашка! Не толкай так быстро и правь на мель вдоль берега!

Наконец, последовала команда:

– Стой!

Удар пикой, и первая щука на плоту. Через некоторое время вторая, потом линь, снова щука и опять линь. К середине ночи весь плот был завален рыбой, которая уже начала сваливаться обратно в воду – пришлось прекратить рыбалку.

Утром, взглянув на улов, Архип воскликнул:

– Ну, Авдошка! Ты и здесь мастак. Молодец. Да и рыба-то крупная, не то, что мелюзгу в вентера ловили.

Рыбу разделали, заварили котёл ухи, а остальное засолили в последнюю пустую бочку. Место в ней ещё оставалось, и Никита, большой любитель рыбы, потеряв ладони, заметил:

– Сегодня ночью я с Авдошкой поеду, вот жаль, посуды маловато, да уж бочку до верха добьём!

Не суждено было в этом году половить рыбки – с вечера пошло на мороз, а к ночи гладь озера начала затягиваться ледком.

Перед первым снегопадом к тайному убежищу разбойников подошла группа таких же душегубцев с Тёмной речки. Там тоже был схрон, но их выследили служивые людишки и большую часть перебили – немногим удалось бежать. Старший из них МIRON был знаком с чернобородым и знал его логово. После непродолжительного разговора с глазу на глаз Архипа и Мирона, атаман, собрав всех в круг, сообщил:

– Ну что ж, христиане, придётся потесниться – не замерзать же им, таким же, как и мы лиходеям. Подобное могло и с нами случиться.

Сделав небольшую паузу и обведя всех глазами, Архип продолжил:

– Ещё скажу, что я буду следить за всеми. И не дай Бог, кто на хвосте принесёт погибель – лютую смерть примет!

Атаман, погладив угольную бороду, закончил вопросом и ответом:

– Недовольные есть? Нет. На том и порешили.

* * *

Ох, и длинна же псковская зима! К Рождеству бока обитателей логова основательно ныли от беспрестанного лежания, а ведь большая часть зимы была ещё впереди. Все разговоры уже по несколько раз повторились, и каждый знал обо всех всю подноготную. Истории жизни и начало разбойничьей дороги походили одна на другую. Для Авдея неожиданностью стала только история монаха. Оказалось, что в Печёрском монастыре его пытались обесчестить братья по рясам – одному он раскроил череп, а второго задушил. С тех пор потерял дар речи и сменил покаяние на еловый кол. Всё это он по просьбам зрителей показывал вполне понятными жестами и с нескрываемым удовольствием – разбойники ржали от восторга.

Продуктовые запасы ещё имелись, но, учитывая пополнение числа ртов, до весны было не дотянуть. Чернобородый рассуждая об этом вслух, задал вопрос обществу:

– Кто что может предложить?

Никита сразу же выкрикнул:

– А что тут думать! Надо идти на дорогу да брать что будет ехать – не впервой!

Архип обрезал:

– И тропинку до логова по снегу проложить людишкам воеводы? Нет, это не годится.

Иван уже давно занимался лосиными жилами – сушил, вытягивал, разминал и сейчас спокойно заметил:

– У меня петельки на длинноухих беляков готовы, а они уже тропки набили, так что хоть завтра готов начинать.

После паузы послышался голос Авдея:

– Медведи, как и мы, крепко облежались, можно руками брать – вот только берлогу найти не так просто.

Желающих высказаться больше не нашлось, и атаман подвёл итог:

– Ну что же, Иван с Авдеем завтра и начинайте, но не дальше версты от горы, а если людской след заметите, свои замечайте и меня сразу известите.

На следующее утро охотники отправились на промысел. Давно им не приходилось бродить по зимнему лесу целый день. От свежего морозного воздуха после подземельного смрада кружилась голова – на душе было светло и радостно. Обойдя гору малым кругом, они разделились. Иван, наткнувшись на поваленную осину, вокруг которой беляки наделали тропы, начал ставить петли, Авдей же пошёл следующим большим кругом, отступив от первого на дистанцию, просматриваемую глазами. По пути попадались беличьи, куньи следы, нарыски лисиц, иногда из-под снега выпархивали рябчики и тетерева. Зимний день короток – к исходу третьего круга начало темнеть, и когда Авдей подошёл к логову, в небе зажглись звёзды. Взошла полная луна – тенью от ёлок на заснеженную землю легла ночь. Где-то далеко протяжно завывали волки.

Целую неделю погода стояла солнечная и морозная – крещенские морозы брали своё. Авдей подморозил уши, и над ним начали посмеиваться:

– Вот то ли дело Ивашка – длинноухих таскает – мельеньких, но вкусных. А Авдошка наш только волдырями, как серьгами, обзавёлся!

Авдей молчал, но каждый следующий день продолжал нарезать круги вокруг горы. Теперь уже за световой день он успевал сделать это только один раз. Его задачей было тщательное осматривание местности. Особое внимание уделялось выворотням, густым зарослям мелкого ельника и тростника, а ещё лучше, если парок вьющийся замечен будет.

Однажды Архип прошёл круг вместе с Авдеем и одобрил замысел настырного молодца, но вместе с тем заметил:

– Ещё пару кругов пройдёшь и всё – верста кончится, да и бор рядом, по которому стёжка конская может быть проложена.

Заканчивался последний круг – надежда найти берлогу таяла окончательно. Авдей брёл из последних сил и, когда до завершения круга оставалось совсем немного, его внимание привлекла тинькающая синица на одной из веток группы ёлочек. Он остановился перевести дух и стал разглядывать – что же заставило птичку-невеличку задержаться в столь нехарактерном для неё месте? Скоро выяснилось, что кто-то по осени погрыз тростник рядышком, а маковка одной из ёлочек была заломана. Определив направление движения воздуха, Авдей зашёл с подветренной стороны и, держа ориентир на приметное деревце, начал медленно подходить. Шагах в десяти, присев, он заметил сквозь окно в еловом лапнике что-то бурое и лохматое. Сомнений не было – медведь!

Придя в логово, Авдей рухнул около очага и долго отлёживался, не отвечая на язвительные намёки поделщиков. Наконец приподнялся, опёрся одной рукой о землю, подняв голову, громко произнёс:

– Нашёл! Точите топоры с ножами – завтра можно идти на настоящее дело. Это вам не подводу с мягкотелыми купцами брать!

В логове наступила тишина, а Авдей, усмехаясь, заметил:

– Тем, кто боится замарать исподники, перед охотой советую облегчиться.

Перед рассветом Авдей долго беседовал с чернобородым, после чего атаман объявил всем присутствующим:

– Охотой будет командовать Авдошка – слушаться его, как меня!

Авдей, обежав всех взглядом, объяснил суть охоты:

– Я иду первым, через версту останавливаюсь, показываю ёлку с заломанной маковкой, под которой лежит медведь. Знаком руки оставляю стоять каждого следующего. Зверь будет в десяти шагах от нас, поэтому даже зубами скрипеть нельзя. После того, как круг замкнётся, я подхожу и всаживаю пику в зверюгу, а дальше всем надо навалиться и добить.

Перед выходом Архип подал Авдею обоюдоострый нож со словами:

– На! Держал для себя в запасе. Добудем зверя – он твой!

Утром из логова вывалили все, даже Алёшка, но чернобородый, взяв его ласково за ухо, толкнул назад:

– Без тебя справимся, нас и так десяток. Ну что, разбойные охотники, пошли? Веди, Авдошка!

Гоготнув несколько раз в начале пути, вереница людей с дубинами и топорами молча прошагала версту. Авдей остановился, поднял руку и её же направил на ёлку с заломанной маковкой. Указывая каждому следующему сажени через четыре, он начал расставлять охотников по кругу. Первым остался чернобородый и, когда Авдей уже подходил к нему, замыкая кольцо, случилось непредвиденное. В центре круга взметнулось снежное облако, и раздался рык с душераздирающими воплями. Авдей метнулся на звук и увидел, что медведь жуёт голову кому-то лежащему под ним. Не раздумывая, он всадил пику под лопатку зверю и резко отскочил. Тот, бросив жертву, встал на дыбы и с пикой в боку пошёл на обидчика, при этом издавая гортанное рычание. Со всех сторон подскочили помощники, нанося удары дубинами и топорами, но они выглядели карликами по сравнению с великаном. Медведь, выбрав одну из жертв, подмял под себя кого-то. Авдей в отчаянном броске очутился на спине зверя и, вонзив нож в шею по рукоятку, провернул лезвие. По шкуре медведя прокатилась конвулсия, и он затих.

Из-под зверя вытащили невредимого Архипа, а вот поодаль лежал с обезображенным лицом и свёрнутой шеей Никита. Рядом сидел один из людей Мирона – у него кровоточила щека, и лохмотьями висело ухо. Ивана колотило, он что-то хотел сказать, но долго ничего членораздельного выговорить не мог. Наконец, успокоившись, сообщил:

– Никита безмозглый полез в ёлки сразу, как встали, а оттуда как вылетит зверюга и под себя его. Я дубиной огрел медведя по башке, а тот отмахнулся, как от щепки. Егорка с другой стороны топором ударил, но сдачи получил.

Архип, осмотрев тело Никиты, изрёк:

– Дураком жил, дураком и помер! Разбойничья лихость, ребятаки, требует учения – делай то, что тебе говорят, и не лезь в пекло наперёд батьки!

Монах тем временем, оторвав подол рубахи, перевязал голову пострадавшему – кровь проступила сквозь повязку, но течь прекратила. Во время разделки туши Авдей осторожно вырезал медвежью желчь и сходил осмотреть берлогу. Она представляла собой яму, выстланную толстым слоем тростника, под которым даже земля не промёрзла. В ней и похоронили Никиту.

Пуда по полтора мяса на брата, потроха, шкура и голова были вынесены за один раз. При подходе к логову поднялся ветер, набежали тучки, и закружилась метель. Архип довольно подвёл итог:

– Ну вот, сделали дело, и следы наши грешные прикроет!

Целую неделю пировали разбойники – наедались до отвала, некоторых даже стошнило от слишком жирной и обильной пищи. Медвежью желчь Авдей повесил под дымоходом сушиться, объяснив всем, что это пригодится при болезнях. Щеку и ухо Егору он смазал медвежьим салом – боль утихла, и дело должно было пойти на поправку. Медвежью шкуру вывели мездрой наружу около входа в схрон на поперечине – птичья мелюзга усердно склёвывала остатки сала.

* * *

В конце февраля с южным ветром, незримой птицей-великаном, прилетела первая за эту зиму оттепель. Она сбросила иней с деревьев, осадила снег и наполнила лес предвесенним духом.

Через неделю выступила вода в речке, но ночные мартовские морозы быстро успокоили слишком раннюю водобез, сковав её прочным ледяным панцирем. Обитатели логова, накопив силы медвежатиной, начали вести разговоры о хлебе, который давно закончился.

– Вот хлебушка бы родимого кусочек – и мяса никакого не нужно! Да, хлеб всему голова, без него и жизнь не мила!

Атаман долго терпел нытьё на эту тему, наконец, не выдержал:

– Так, страдальцы! Я вижу, что до весны вы умом тронетесь. То вам не так, это не эдак, а по сему завтра идём на вылазку! На днях народ масленицу гулять будет, и потянется он в одну знакомую деревеньку. По наледям двух речек мы дойдём до дороги с мостом, а где будем перескакивать по снегу – чтобы шли след в след, как волки!

В логове поднялся одобрительный шум, все принялись готовиться к знакомой и необходимой работе.

Утром вереница лиходеев двигалась по льду – идти было легко, а главное – следов не оставалось. В верховьях речки, где полоса наледи сужалась и раздваивалась, один из людей Мирона пошёл не в след и провалился по пояс в ледяную воду. Его выдернули, дали пинка и отправили обратно в схрон. Архип негодовал:

– Если кто ещё сделает шаг в сторону, подо льдом и останется – я его туда дубиной запихну!

Когда речка стала совсем узкой, атаман вывел ватагу в целину, и они с версту двигались медленно, проламывая наст местами по колено. Перевалив через гриву, разбойники оказались уже на другой речке, покрытой такой же наледью. Архип дал передохнуть всем и сделал последние наставления:

– Через пару вёрст подходим к дороге – все сразу под мост. Сидим тихо и берём первую же подводу, едушую слева направо. Мороз долго сидеть нам не позволит. Живых не оставляем,

а то нас быстро выследят. Монах по дороге присматривает жердь, а ты, Авдошка, держи пику наготове – и чтобы не дрогнул!

Когда подошли к мосту и забрались под него, Архип знаком дал понять, чтобы сидели тихо, сам же пробил тропу наверх и осмотрелся. Время шло медленно, а мороз донимал всё сильнее и сильнее. Послышался стук копыт, но подвода шла справа налево – Архип покачал головой со стороны в сторону, одновременно показав кулак. Проскрипели брёвна моста, и пахнуло конским духом. Опять томительное ожидание.

Наконец, вот он звук саней, и как раз с нужной стороны. Монах с Авдеем, а за ними и все остальные, выскочили вовремя – кровавое дело свершилось за несколько мгновений. С поклажей управились быстро, благо подвода была одна, и хотя добыча оказалась не богатой, хлеб всё же имелся. Тела невинно убиенных атаман приказал свалить на сани. После чего он стеганул лошадь кнутом, и та, с ржанием, понеслась по дороге. Заровняв тропу, набитую из-под моста, разбойники бегом двинулись в обратный путь. К логову подошли уже в сумерках. Уставшие, но довольные, они долго чавкали перед сном таким долгожданным хлебом.

Апрель, как и положено ему, начался большими припарками. Авдей подолгу сидел на южном склоне горищи и наблюдал за разительными переменами всего окружающего. Клиньями и стаями летели перелётные птицы, певчие же заполняли трелями все часы суток, не смолкая даже ночью. Проталины с каждым днём становились все больше, зеленее, и вот, наконец, последние пятна снега исчезли – такая длительная и тоскливая зима закончилась.

Как-то утром Архип объявил:

– Завтра уходим в летние хоромы, теперь нас каждый кустик пригреет, а сюда без моего дозволения возвращаться строго заказываю. Если кто даже под пытками выдаст это логово – на том свете сыщу и жилы повыдергаю!

* * *

Быстро, медленно ли – кому пролетело, а кому протянулось два года. Немеряно кровушки пролила шайка чернобородого, да и самих разбойников полегло немало, а переловлено было и того больше. Но много на земле псковской обездоленного и обозлённого люда, который продолжал пополнять ряды лиходеев.

Многому научился за это время Авдей, а главное привык к крови. В первое разбойничье лето он удержу не знал на вылазках, сомневаясь в нужности своего существования – не раз бывал на волосок от смерти, играючи уходил от погони. Однажды Архип рассказал ему историю далёкой давности, которую поведал его предшественник: «Раньше разбойники собирались в большие ватаги до сотни душ и делали налёты даже на монастыри. Был такой атаман Евсевий, который повёл свою шайку на Крыпецкий монастырь. Что там у них получилось, неведомо, но вот только не стали убивать лиходеи монахов и разорять храм, а убрались, прихватив лишь харчи. Сам же Евсевий остался в монастыре, и до конца дней замаливал грехи». После паузы Авдей недоумённо спросил:

– К чему это ты, Архип?

– А к тому, что рука начала дрожать, да пелена на глаза настилаться. В нашем деле это конец. Грехи замаливать я не собираюсь, а вот чтобы кости мои зверьё да вороны растаскивали, не хотелось бы. Ну, да ты смыслённый, должен понять.

Ничего не сказал Авдей, лишь посмотрел в глаза чернобородому да шумно выдохнул сдавившей на миг грудью.

Как в воду смотрел Архип. Погожим деньком два десятка разбойников расположились в засаде на Рытной горе, через которую вздымался тракт Гдов – Псков. До ночи по дороге не проследовало ни одной телеги, и налётчикам пришлось остаться на ночь, благо парная погода не ломила костей. В бору стоял сосновый, с примесью черничника и толокнянки, аромат. Авдею

не спалось – опять привиделась Марьянка, укоризненно качающая головой: «Мол, не то ты делаешь, Авдоша, не то». Видение прервал Архип, проверявший подельников.

– Ну что, Авдошка, тебя ещё не сморило?

– Да нет, что-то не спится и на душе как-то томно.

– Что так?

– Видел неподалёку след на кротовине какой-то необычный, ненашенский.

– Ну и что?

– Да место это больно примелькавшееся, проследить опытному ловцу не так уж и трудно.

– Накаркаешь, Авдошка: помяни чёрта – он и появится!

– И всё же, я бы с началом зорьки смотался, от греха подальше.

– Ладно, утром решим.

Не знал Архип, но чувствовал неладное Авдей, а между тем помощнику воеводы Микифору Юдину уже доложил лазутчик о том, что разбойники днём засели на горе Персиянке.

Забрезжил рассвет, а Архип всё не давал команды на отход. Авдей уже хотел сам найти атамана и напомнить ему о ночном разговоре, но в это время послышался стук подков – две телеги начали подниматься в гору. Раздался захватский свист, и разбойники, выскочив из укрытий, бросились на дорогу. Но не тут-то было – десяток путников, оказавшись хорошо вооружёнными пиками и саблями, дружно встретили налётчиков. Вдобавок к тому послышался гул приближающихся верховых всадников.

– Ловушка! Врассыпную!

Раздался вопль чернобородого, но было уже поздно – половина разбойников полегла прямо на дороге, а убежавших начали настигать всадники по краям дороги. Авдей с Архипом кинулись к ложбине, выходившей к моховому болоту, но чернобородый начал отставать, а сзади послышался конский топот. Авдей, спрятавшись за раскидистой сосной, пропустил тяжело дышащего атамана с окровавленной рубахой, и когда наездник поравнялся с ним, сбил того пикой. Схватив лошадь за повод, в несколько прыжков догнал Архипа. Тот уже качался, и Авдей с трудом взгромоздил его на коня. Выйдя в моховое болото и, быстро перейдя открытую его часть, они скрылись в гриве корявых сосен. Несколько вёрст Авдей вёл лошадь с седоком за повод по зарослям багульника с дурманом, где следы были малозаметны. На краю гривы возле бугра, когда Архип начал хрипеть, пришлось остановиться. Он из последних сил держался на коне, вцепившись пальцами в гриву. Авдей снял раненого атамана с лошади и положил на землю – на шее зияла рубленая рана, из которой обильно сочилась кровь. Посиневшие губы Архипа проговорили:

– Ну вот, дружок, и всё!

– Ничего-ничего, потерпи!

Оторвав подол рубахи, Авдей приложил его к ране.

– Нет, Авдоша, отбегал я своё на этом свете!

Несколько раз Архип затихал и снова открывал глаза.

– Где я? Где погоня?

– Оторвались мы далеко, не достанут.

– А, это ты, Авдошка? Не забудь – о чём просил тебя...

Грудь Архипа стала рывками вздыматься, а из-под тряпки просочилась кровь – началась агония.

Ох, и тяжело грешная душа атамана разбойников расставалась с телом. Ох, и тяжело...

На бугре с видом на чистое моховое поле и схоронил Авдей чернобородого Архипа, выполнив его последнюю волю.

* * *

Тяжёлые мысли роились в голове Авдея: «Что делать дальше? Продолжать разбойничать или поменять свою жизнь? Изменить – а как? Уйти куда-нибудь далеко. Но все пришедшие разбойники говорили, что везде одинаково на Руси, а в иных местах и ещё горше люду живётся». И тут он вспомнил о Марьянке и о том, что не был ещё на её могилке. Сразу же возникло решение навестить зазнобушку да посмотреть, что творится в родной сторонке.

Деревня как будто вымерла – до полудня ни одного человека. Авдей, затаившийся в малиннике между крайней избой и погостом, с наслаждением впитывал в себя забытые звуки деревенской жизни. Раньше он не понимал того, как приятно слышать мычание коров, блеяние овец, гортанные песни петухов – как хорошо жить не прячась. Ожидание затянулось, наконец, Авдей увидел одинокого парнишку, спешащего куда-то по своим делам. Подозвав мальчика, немного перепуганного незнакомцем, он протянул ему горсть медных монет, отчего парнишка повеселел и перестал торопиться. Первым делом он показал могилку Марьяны, которая была не ухожена – Авдей сразу принялся обрывать траву и одновременно расспрашивать парнишку:

- Как звать-то?
- Бориской кличут.
- А что в деревне-то никого не видно?
- Да, отсыпаются все – ночь гуляли да через костры прыгали.
- Нынче что, Иван Купала?
- Да, а ты что не крещёный?
- Крещёный, да долго в пути был – со счёта сбился.

В доказательство Авдей трижды перекрестился и поклонился холмику с крестом, под которым покоилась Марьяна.

- А кто сейчас распоряжается хозяйством Дементия?
- Это того, которого в Рачевьем озере утопили?
- Да, того самого.
- А брат его Кузьма.
- Лютует?
- Ещё как! Мою мамку недавно вожжами высек за то, что вовремя долг не принесла.

Авдей достал из-за пазухи кошель, отсыпал десяток серебряных монет и подал собеседнику.

– На, держи – это тебе за уход могилки. Будешь следить за ней, а через год, тоже на Купалу, я сюда приду и ещё подкину тебе денег. Да не вздумай кому сболтнуть про меня, а то наша дружба враз и кончится. Понял?

В глазах парнишки загорелись искорки безусловного согласия. Авдей потрепал его по вихрастой голове.

- Ну, иди по своим делам да помни наш уговор.

С камнем на душе уходил Авдей из родной сторонки и с твёрдым намерением не менять своей разбойничьей жизни, пока живут на земле такие, как Дементий, Кузьма и прочие кровососы. Несколько дней бродил он по тайным убежищам лиходеев, вёл осторожные разговоры о роковой засаде, об атамане, и о том – как быть дальше. К удивлению – большинство отшельников знали его, хотя виделись они впервые. Когда речь заходила об Архипе, то многие вспоминали и его молодого друга. Чернобородый, предчувствуя неизбежный конец, разнёс весть о том, кому можно доверять и поставить над собой атаманом.

В одном из летних убежищ лиходеев Авдей встретил монаха, не принимавшего участия в трагической засаде на Рытной горе. Увидев товарища, тот языком жестов дал понять всей компании, что они знакомы и что его друг отчаянный разбойник. Один из присутствующих,

мелкого росточка, но, как часто бывает среди таких сморчков, с большим гонором и ножом в руке, подскочил к Авдею со словами:

– Сейчас мы посмотрим, что этот юнец вчера кушал!

Резкий удар Авдеевой руки свалил наглеца наземь. Отползая прочь, тот пробормотал:

– И пошутить нельзя? Я же проверял.

Мужики рассмеялись, побалагурили с часок, а самый старший из них подвёл итог:

– Замаялись мы без атамана – каждый тянет на себя, хочет по-своему, а в нашем деле нужна вот такая твёрдая рука да фартовая стезя. Так что, хоть и молод ты, но слух прошёл, что можно доверить тебе наши забубённые головушки.

Авдей был готов к такому предложению, но, не задумываясь, поставил условие:

– Погулял я с чернобородым, пролил кровушки невинной и понял, что душить надо живоглотов, а простых людишек лишать жизни нельзя. Да, конечно, иные отпущенные могут навести погоню, но по-другому я не могу и не хочу. Так что подумайте, прежде чем довериться, а о послушании я и не говорю – казнить за глупость и нерадивость буду жестоко.

С минуту стояла тишина, после чего всё тот же старший изрёк:

– Молчание – значит согласие. Да и куда нам деваться, ведь вам с Архипом черти будто бы дорогу мостили, а так мы вот-вот пропадём. А звать тебя будем Авдошей и если, что не так – казни!

Авдоша помнил всё, чему учил его чернобородый да и сам додумал многое – главным образом – как не попасться служивым людям. Западня на Рытной горе говорила о том, что теперь нападать на тракте будет гораздо сложнее – стражники не дремлют и будут всё чаще устраивать ловушки для разбойного народа. Большое внимание Авдоша стал уделять разведке обстановки и местности, где предстояло совершить нападение. Посылая для этой цели своих людей, он понял, что не все правильно могут оценить ситуацию и поэтому начал ходить на разведку сам. Надевая лохмотья и прикидываясь юродивым, новоиспечённый атаман проходил большие расстояния, наблюдал, слушал, запоминал. Это принесло несомненную пользу – его ватага казалась неуловимой. Другие группы разбойников начали пропадать – по рассказам бежавших, их ловил отряд стражников во главе с Митрофаном Юдиным – ушлым и настырным псом.

Однажды Авдоша в очередной раз, нарядившись юродивым, проходил вдоль тракта. Неожиданно его окружили люди в одежде стрельцов и, дав по зубам, начали допытываться: «Кто такой и что здесь делаешь?» Авдоша принялся мычать, закатывать глаза, чтобы его приняли за умалишённого странника, но старший из них не очень-то и поверил – пойманному юродивому связали руки и кинули в телегу. По положению солнца Авдоша понял, что везут его в Псков.

* * *

Этим же днём в Пскове Сергей Поганкин сидел на завалинке своего недавно купленного дома и вспоминал события последних двух лет, так изменивших его жизнь. Началось всё с луковых грядок – на том же луке пока и остановилось. Дело было так. Небольшой огородик, прилегающий к покосившейся избе на окраине города, обрабатывали ещё его усопшие отец, дед и, наверно, прадед. Несколько лет назад посередине участка начал вылезать камень – поначалу он не мешал, лопата едва доставала до его тверди, но впоследствии стрелки начали желтеть в этом месте, а луковицы вырастали мелкие и сморщенные. Надоело это Сергею, и осенью он принялся выкапывать валун. Камень оказался плоским, а когда с помощью ваги был перевёрнут, под ним забелела береста. Убрав рассыпавшийся в труху слой, Сергей нашупал под ним глиняный горшок. Предчувствие чего-то необычного возбудило его до крайности – дрожащими руками сосуд размером с овечью голову был извлечён и распечатан. В нём нахо-

дились серебряные украшения и заморские монеты. «Вот так привалило!» – подумал Сергей сын Иванов и стал строить планы на будущее. Решение пришло быстро – раз грядки его обогатили, значит, на лук надо всё и потратить! А вот как расплачиваться за покупки, не приобрести завистников да не навлечь грабителей – здесь надо думать долго, чтобы не наделать ошибок. Украшения понемногу начал носить в ювелирные лавки, мелкие иноземные монеты и так шли неплохо, а вот крупные ефимки показывать было страшно. Случай свёл Сергея с кузнецом монетного двора Фёдором, который за половинную мзду, втайне от начальства, стал потихоньку перечекивать талеры и шиллинги на русскую чешую.

Первыми покупками стали клетки для хранения овощей и нива, а к сбору урожая сбылась мечта счастливчика – лавка в луковом ряду стала собственностью Поганкина. Судьба благоволила Сергею во всём. Урожай на новой ниве выдался обильный, и на вырученные средства у вдовы Христины он купил дворовой участок в Мокролужской сотне. Теперь его стали называть «посадским человеком», правда, с обидной приставкой «огородник», что означало низшую категорию «молодших» предприимчивых людей. А были ведь ещё «средние» и самые зажиточные «лучшие». Хотелось Сергею, ой как хотелось перескочить в эти сословия – но как? Найдённое серебро заканчивалось, а на одном луке такой высоты не осилить.

Дело близилось к вечеру – Поганкину пора было сходить на встречу с кузнецом Фёдором, чтобы забрать последнюю партию чешуи. По дороге Сергей встретил необычный обоз – верховые стрельцы сопровождали несколько телег со связанными людьми. Почти все непотребного вида, ехали лёжа, и только один, молодой статный парень, сидя разглядывал, очевидно, впервые виденный им город. Глаза их на миг сошлись – Поганкин поразился силой и разумом взгляда этого человека так, что мурашки по спине побежали.

Фёдор не очень-то обрадовался приходу гостя и с порога сообщил:

– Пока не получается, Сергей Иванович, за мной досмотр устроили, так что не смог я доделать твой заказ, но ты не сомневайся.

– Ладно, подожду ещё. А ты мне вот что скажи: что это сейчас за обоз проследовал со связанными людишками?

– Да-к это, наверно, Митрофан Юдин опять разбойников наловил да везёт в приказную палату дознание устраивать.

– Твоя кузня неподалёку, так ты, мил человек, узнай про них – кто такие, откуда, да по каким делам повязаны. Особый интерес у меня к статному молодому парню с горбинкой на носу.

– Тебе-то это зачем?

– Я же тебя не спрашиваю, почему некоторые чешуйки в недовесе, что ты мне отчеканил недавно. А узнаешь всё в подробностях насчёт парня, так, может, часть долга прощу.

Фёдор смутился, а Сергей резко подвёл итог разговора:

– Завтра в это же время зайду.

На следующий день Поганкин уже знал, что парень этот юродивый как будто, и взяли его на Нарвском тракте в Сорочьем бору по подозрению в пособничестве разбойникам. Долго думал Сергей над тем, что видел, и о том, что сказал ему Фёдор. «Нет, не может быть этот парень юродивым – глаза не те. А вот лиходеем, да и не простым, может статься вполне». Придя домой, Поганкин учинил допрос жене:

– Вспомни-ка, жёнушка, кто из знакомых тебе баб родом из Сорочьего бора или Озёрного посада?

Та изумилась наглости вопроса:

– Зачем тебе надо знать, кобель эдакий, про баб такие подробности?

– Остынь, Любаша! Это для дела требуется – человека нужного вызволить из заточения. После длительной паузы, заполненной раздумьями, жена спросила Поганкина:

– Тебе побогаче надо или нищенку? Какую?

– Да всё равно, хотя лучше бы такую, которая бедствует, но в здравом уме и язык за зубами держать умеет.

– О, это ты мне задачу задал. Хотя Пелагея, наверное, подойдёт для такого дела. Она из Озёрного посада родом и всего-то ей постоянно не хватает. Правда, насчёт языка за зубами – сомневаюсь.

– Иди, веди её сюда. Скажи – дело денежное есть, а сама можешь слушать наш разговор из-за занавески.

Перепуганная поначалу Пелагея слушала, открыв рот и округлив глаза, но, поняв суть поручения, сменила выражение лица. Поганкин вложил в её ладонь несколько медных монет:

– Вот тебе задаток. Пойдёшь в приказную палату. Там на допросе статный парень с горбинкой на носу, вроде как юродивый, с Озёрного посада. Его словили как разбойника, но он ни при чём. Скажешь воеводе, мол, знаешь его, что это Егорушка дурачок из приозёрной деревни, сама, мол, оттуда. Будешь божиться, клясться, слёзы лить, чтобы его отпустили. Если освободят, то веди не сюда, а в старый мой дом. По дороге скажешь, что у него благодетель появился и дело к нему имеет. Он хоть и не в себе, но поймёт, если всё так скажешь. Приведёшь – получишь столько же серебряных монет.

Пелагее несказанно повезло – едва подошла она к приказной палате, как оттуда вышел воевода. Она, как прирожденная скоморошница, бросилась в ноги и запричитала:

– Ой, батюшка родимый, отпусти Егорушку – дурачка, по недоразумению схваченного твоими людьми!

Дальше следовал набор слов, смутно понятный любому здравомыслящему человеку, но воевода понял суть, тем более что только что говорил на эту тему со своим помощником.

– Позвать сюда Митрофана!

Стражник, дремлющий на крыльце, встрепенулся и бросился в палату. Вышедшему Юдину была прочитана нотация и отдан приказ:

– Вот видишь, что говорит эта женщина. Нахватал ты всякого сброда, а настоящие разбойники вчера опять налёт на Персиянке устроили! Немедля отпусти дурачка, за которого хлопочет эта особа.

– Слушаюсь, но...

– Без всяких но, и что бы впредь мне вёз сюда только лиходеев!

Пелагея цепко взяла за руку отпущенного Авдея, который поначалу не понял сути происходящего. Он принялся испуганно мычать, закатывая глаза, и попытался вырваться от незнакомой женщины, но та успела прошептать:

– Благодетель тебя спасает! Покажи вид, что меня знаешь, а то крышка!

Делать было нечего, тем более что стражники наблюдали встречу «давних знакомых», и Авдей, сменив мычание на доброжелательный тон, обняв тётку, пошёл туда, куда его вели.

Поганкин встретил долгожданных гостей весьма довольным. Расплатившись с Пелагеей и отправив её восвояси, он начал разговор:

– Как зовут тебя парень, я не знаю, да и знать мне не надобно. Вижу, что ты не дурак, коим прикидываешься, а лихих дел мастер, поэтому и вызволил тебя с острога. Дело у меня к тебе, вот какое: ты мне серебришко, золотишко, камешки самоцветные, а я тебе харчи, одежду и всё, что понадобится, доставлю в любое место, куда укажешь. Можешь пока не отвечать – подумай хорошенько. Хочешь – уходи с миром, потом придёшь, если надумаешь, а можешь остаться переночевать в избе – ужин на столе. Я пойду в свой новый двор, а утром зайду, и если останешься, могу довести в Озёрный посад или куда скажешь – еду завтра в ту сторону по торговым делам.

Сергей, глядя в глаза Авдея, похлопал того по плечу, развернулся и вышел на улицу.

Расчёт Поганкина оказался верным – утром они вдвоём, сидя на телеге, запряжённой чалой кобылой, выехали из Пскова в сторону Озёрного посада. Долго ехали молча, а когда показались первые сосны Сорочьего бора, Сергей не выдержал:

– Ну что, Егорушка, не ограбят ли нас здесь разбойники?

И тут впервые раздался твёрдый голос Авдея:

– Никогда меня так больше не называй, если жизнь дорога, благодетель хренов. Таких оборотистых, как ты, я прокалывал насквозь, но для тебя сделаю исключение, если вести себя будешь правильно.

Поганкин был окончательно удовлетворён правильностью предположений, но вместе с тем напуган до потери речи гневным нравом попутчика. После паузы Авдей продолжил:

– То, что ты меня вытащил из острога, я не забыл, но не просил об этом, и посему благодарить не буду. Осенью одно дело провернём с тобой, а там посмотрим. Звать меня будешь – Авдоша.

Во второй половине дня они свернули с тракта на просёлок, а через пару вёрст, повернув ещё раз, остановились. Авдей удалился в ельник и через некоторое время вернулся с льняным мешком, содержимое которого показал Сергею. От блеска металла у Поганкина загорелись глаза:

– Да я тебе за это телегу харчей привезу!

Авдей рассмеялся.

– Содержимое мешка обоз будет стоять! Но ты мне привезёшь еды и одежды на дюжину людей, чтобы зиму не бедствовали. Если до весны нам не хватит, значит, больше дел не будет – так что считай сам, сколько подвод грузить.

Поганкин попробовал было торговаться, но Авдоша сразу осёк его взглядом с крепким словом, и тому пришлось согласиться. Затем договорились, в какой престольный праздник на это место будет доставлен товар. В заключении, часть содержимого мешка в виде задатка была отсыпана на телегу, а остальное Авдей закинул за плечо и скрылся в ельнике.

* * *

Когда атаман, после недельного отсутствия, пришёл в летний стан, расположенный в удалённом сосновом бору, то обнаружил всех в спящем состоянии. У остывшего кострища лежали разбойники вперемешку с пустыми бочонками, от которых несло запахом медовой браги. За время отсутствия атамана, видимо, был произведён налёт, результатом которого стала добыча хмельного напитка. Авдей не стал будить подельников, а, проверив пустую посуду, начал искать полный бочонок – должны были ведь оставить пьяницы что-нибудь на опохмелку. К вечеру это удалось сделать, и непочатый бочонок был перепрятан в ближайший муравейник. Начинало темнеть. Авдоша, запалив костёр, улёгся спать.

Утром его разбудили стоны, оханье и отборная брань, но атаман притворился спящим и дальнейшими действиями решил изошрённо наказать пьяниц. Они долго искали полный бочонок, переругались и начали уже было драться, но тут монах, наверно, самый зрячий, замычал, показывая пальцем на спящего Авдошу. Все сразу затихли. Разбойники задумались, сопоставляя появление атамана, пропажу бочонка и того, что он строго-настрого запрещал заниматься хмеле питием. Через некоторое время раздался чей-то робкий голосок:

– Мужики! Так ведь это он нашёл нашу медовуху и...

После минутной тишины более решительный голос произнёс:

– Надо будить!

Разбойники вначале стали покашливать, потом постукивать палками по деревьям, кто-то закричал по-петушину, потом заорали во все глотки, но Авдей не открывал глаз.

– А живой ли он? – самый молодой Алёшка осторожно подошёл к атаману, склонился над ним и принялся трясти за плечо. Авдей пинком свалил кашевара прямо в угли костра – тот, заверещав как поросёнок, бросился к ручью тушиться. Авдей вскочил и, приняв грозный вид, начал увещевать:

– Ах вы, свиньи грязные, пьяницы беспробудные. Говорил же я вам, что хмеле питье для лиходея – это смерть. Ежели бы вместо меня пришёл кто другой, так хоть вяжи вас, хоть режь, как хряков...

Разбойники, понутив головы, молча слушали, пока самый больной не упал на колени и не запричитал:

– Авдоша! Душенька ты наш! Виноваты мы, и наказывай, как сочтёшь нужным. Больше никогда не будем лакать это зелье, но дай нам сегодня опохмелиться в последний раз...

Авдей продолжил игру:

– Да не брал я вашего пойла. Небось, сами куда-то засунули, аль воры мимо проходили да прибрали.

Похмельная братия загалдела и принялась вновь искать заветный бочонок. Через час безуспешных поисков все вернулись к кострищу – легли помирать со стонами, изредка отползая к ручью похлебать водицы. Атаман, между тем, усевшись удобней на колоду, возобновил представление:

– Знаком был я с одним малопьющим попом. Так вот он сказывал, что души пьяниц после их смерти переселяются в муравьёв, и если в лесу брошено что-то хмельное, так они затаскивают к себе в муравейник и гудят там до отупения.

Его словам не придали значения, расценив, как очередное издевательство. Однако через некоторое время один из страдалцев подполз к тому самому муравейнику и стал тыкать в него палкой. Упёршись во что-то твёрдое, он встал, ногами разворошил хвойную кучу – под ней оказался бочонок!

– Мужики, здесь! И правда, муравьи затащили к себе в дом!

Все разом бросились к спасительному напитку. Из бочонка, облепленного насекомыми, вытащили затычку, подняли в несколько рук и начали жадно лакать, отталкивая друг друга. Брагу, льющуюся на землю, ловили разинутыми ртами, подставленными пригоршнями. Кто-то снял рубаху, вымочил целительной жидкостью, а потом лёжа на спине, отжимая материю, ловил драгоценные капли. Один из разбойников, первым почувствовав облегчение, прислонившись спиной к сосне и поглаживая грудь ладонью, воскликнул:

– Как будто боженька босячком по душеньке прошёлся!

Авдей долго смеялся, потом взял лопату и начал посыпать остатками муравейника всех по очереди, приговаривая:

– И мурашкам оставьте хоть немного, ведь тоже души страждущие – делиться надо!

Опохмелённые разбойники начали чесаться, стряхивая назойливых муравьёв, а сил на ругань уже не было – через некоторое время все уснули. По ним ползали насекомые, наверняка обжигая своей кислотой, но никто на это не реагировал. Авдей долго ещё вздрагивал от смеха, разглядывая безобразные физиономии своих поделщиков.

Осень подкралась незаметно, с утренними туманами, пожелтевшими рощами, затяжным ненастьем. Однажды, после очередного нудного дождя, небо просветлело и Авдей, находившийся на краю мохового болота, стал свидетелем необычной сцены. Из низины с курлыканьем поднялись на крыло четыре журавля – два старых и пара молодых – наверняка семья. Они начали кругами набирать высоту, и чем выше взлетали, тем тоскливее становились их звуки, причём старики кричали так пронзительно, что у Авдея похолодела спина. Молодые тоже курлыкали, но не так печально, как их родители. Сомнений не было – журавли прощались с родной стороной, и расставание для них было чувствительной трагедией. Превратившись в точки, они выстроились клином и, затихнув, полетели на юг.

* * *

Дело близилось к очередной зиме – многочисленные гусиные клинья и караваны своим гомоном ещё раз напоминали о неизбежности морозов со снегопадами. Разбойники с тревогой поглядывали на атамана, а тот всё не выводил их на большой тракт, как обычно раньше они делали для пополнения зимних запасов. Вылазки на второстепенные дороги давали кое-какое пропитание и незначительное пополнение разбойничьей казны. В шайке начался тихий, но гнусный ропот. Уловив это настроение, Авдоша пресёк бузу:

– Никого не держу. Кто хочет, может сходить на тракт посмотреть насаженные на колья головы Мирона с его людьми. Митроха Юдин всерьёз взялся за нашего брата, и соваться туда – себе в убыток. На днях уходим в зимник – там займёмся заготовкой подножного корма.

Ранним утром вереница разбойников, гружёная заплечными мешками с солью и скарбом да пустыми бочонками, двинулась в неблизкий путь. Шли до вечера без роздыха по звериным тропам, пересекая моховые болота, сосновые и еловые гривы, переправлялись через ручьи и речки. К исходу дня путники добрались до подножья горищи. Последующую неделю по указанию атамана каждый занимался делом, без которого было бы трудно пережить предстоящую зиму. Накануне престольного праздника Авдоша объявил, что завтра все идут за зимними запасами, но грабить нужды не будет – хорошие люди сами привезут то, что им требуется. Правда, всё это придётся перетаскивать на себе, но своя ноша, как говорится, не тянет. Утром вышли налегке, а к полудню Авдей привёл ватагу к месту, назначенному Поганкину. Всем было наказано затаиться перед ельником, а сам атаман, сделав крюк, вышел на дорогу, по которой должны привезти товар. Через некоторое время проследовали четыре гружёных подводы – на передней сидел сам Сергей. Подождав немного и убедившись, что хвоста нет, Авдей подошёл к Поганкину.

– Ну что привёз, благодетель? Показывай.

– Всё что заказывал, Авдоша, даже с избытком. Пришлось в долги влезть, чтобы уговор исполнить.

– Ладно, не набивай цену, в прогаре не будешь, – Авдей обошёл обоз, посмотрел содержимое, прикинул и сделал заключение: – Маловато, конечно, но если одну лошадёнку с телегой оставляешь, то сделка состоится.

Поганкин открыл уже было рот возразить, но, глянув на хищный прищур разбойничьих глаз, осёкся:

– Хорошо, но хотелось бы посмотреть содержимое того мешочка.

Авдей молча удалился в ельник и вскоре принёс то, из-за чего так рисковал хозяин товара. Посмотрев содержимое мешка, Сергей удовлетворённо воскликнул:

– Годится!

Перепуганные возникшие быстро разгрузили три телеги и без лишних вопросов развернулись в обратный путь. За это время Авдоша с Поганкиным успели обговорить детали дальнейших взаимовыгодных дел.

В следующем году, на Ивана Купалу, Авдей вновь пришёл в родную деревеньку навестить свою усопшую зазнобушку Марьяну. Могилка была прибрана, и едва он оценил работу юного помощника, как тот сам неожиданно появился.

– Здравствуй, дядя Авдош!

– А откуда ты узнал, как меня кличут? Я ведь в прошлый раз не говорил тебе этого! Или рассказывал кому про меня?

– Нет, что ты! Просто слышал бабы разговоры про Марьяну да её дружка, ставшего лихим разбойником, вот и подумал, что это ты.

– Смотри, какой понятливый! Ну, рассказывай, что в деревне нового?

– Злодействует Кузьма всё сильнее – каждый житель у него в долгах. Измывается над старыми и малыми без оглядки на Господа...

Бориска осёкся, глаза его повлажнели, но слёз не проронили. Авдей потрепал его по вихрастой голове пятернёй.

– Ничего, парень, скоро отольются ему ваши слёзы сполна. А пока иди, помогай матери, и на тебе на уход за могилкой.

Авдоша достал горсть монет и вложил их в детскую ладонь. Бориска хотел вернуть деньги со словами:

– Не надо этого, дядя атаман. Возьми лучше меня с собой – буду кровососов убивать, чтобы хорошим людям лучше жилось на белом свете!

– Иже, что удумал! Мал ещё парень такие речи вести! Знай, что любая, самая расплохая жизнь в деревне всяко лучше разбойничьей доли!

Бориска насупился и после паузы произнёс:

– Всё равно, когда вырасту приду к тебе и...

Авдей прервал его, развернув за плечи лицом к деревне, и слегка шлёпнул пониже спины.

– Иди и помни, что мы никогда не виделись! А при встрече, не дай Бог, признаешь – выпорю, как отец не порол!

Авдоша остался один и до вечера просидел рядом с холмиком, под которым покоилась Марьяна. Боль утраты была уже не такой острой, как первые годы – сердце огрубело и ожесточилось, а время постепенно затягивало рану.

Осенью, накануне престольного праздника, Авдей собрал всех своих поделльников и сообщил, что завтра они идут на необычное дело.

– Пойдём в одну деревеньку, хорошо мне знакомую, в стороне от тракта. Окружаем самый богатый двор и всё, что найдём в амбарах, разносим по избам страждущих крестьян. Деньги и побрякушки пойдут в нашу общую казну. Коней с телегами, на коих уместимся, заберём себе, а остальную скотину тоже разведём по дворам. – Атаман обвёл всех взглядом и продолжил. – И не дай Бог, кто залезет в другие избы или обидит остальных жителей – руки пообрубаю!

На рассвете около пятидесяти разбойников, основательно вооружённых, двинулись за атаманом. Шли звериными тропами и в полдень остановились на единственной дороге, ведущей к деревне. Авдоша на крайний случай выставил засаду из шести человек. Сам же первым, оставив за околицей ватагу, ступил на знакомую с детства улицу. Праздновавшая в этот час за столами деревня была пустынной – около дома Дементия тоже никого не было. По условленному сигналу атамана разбойники бегом окружили указанный двор. Авдоша с десятком помощников ввалился в просторную избу – сидевшие за столом Кузьма с несколькими гостями от удивления и ужаса округлили глаза. Женщины, хлопотавшие около, учувяв беду, заголосили и бросились в соседнюю комнату.

– Всем молчать и не двигаться! – Зычно прокричал атаман. Затем подошёл к столу, опёрся на него обоими руками и, глядя в глаза Кузьме, в наступившей тишине спросил: – Ну что, дорогой Кузьма, узнаёшь меня?

Тот, сглотнув слюну, утвердительно кивнул головой.

– А, знаешь ли, зачем мы пришли к тебе?

Парализованный от страха Кузьма уже не мог шевельнуться, предчувствуя что-то очень нехорошее. Авдоша продолжил:

– Значит, догадываешься, если молчишь! А я поясню, чтобы все знали и по округе разнесли. Сейчас всё твоё добро будет роздано жителям деревни, а сам ты отправишься на свидание к брату Дементию. Спросишь – за что? А за то, что не исполнял заповеди Господни: обижал ближних, измывался над слабыми, обирал бедных! Думал – на тебя управы не будет?

После этих слов Кузьма с отчаяньем загнанного зверя схватил со стола нож и бросился на Авдея, но чей-то удар сбоку кистенём свалил его прямо на чашки с едой. В доме вновь заголосили женщины.

Атаман дал команду о раздаче добра хозяина дома, а сам вышел во двор. Он долго сидел на завалинке, отрешённый от всего происходящего, наслаждаясь запахами и звуками родной деревеньки.

Через некоторое время разбойники приволокли к Авдею двоих гостей Кузьмы.

– Авдоша! Вот эти двое вроде как помогали кровососу измываться над людьми. Что с ними делать?

Атаман долго рассматривал приведённых людей, потом произнёс:

– Свяжите пока вместе с хозяином, а там посмотрим.

После затишья деревня ожила – слышались крики, голоса, между домов забегали люди, замычала скотина. Несколько стариков подошли к Авдоше и один из них задал вопрос:

– Здравствуй, Авдеюшка! Помним тебя ещё мальчонкой, шустрый ты был. А сейчас вот, значит, атаман и хорошее дело затеял будто бы. Но, видишь ли, какая беда может приключиться – уйдёте вы, а стрельцы придут разбираться, нам и накомылят за твоё доброе дело. Что делать-то тогда?

Авдоша, поприветствовав старцев, ответил:

– А вы поешьте хоть несколько деньков всласть да что-то в земельку спрячьте на чёрный день, а там глядишь, и лучшие времена настанут!

Между стариков показалась вихрастая голова Бориски. Он уже хотел сказать что-то, но Авдей приложил палец к губам, дав понять, что они не знакомы. Тем временем всё намеченное атаманом было выполнено, и разбойники на нескольких телегах, запряжённых лошадьми Кузьмы, двинулись в обратный путь. Проезжая мимо Рачевого озера, они остановились, пустив на корм ракам три жертвы сегодняшней вылазки.

* * *

Прошло пять лет. За это время сотрудничество Авдоши с Поганкиным окрепло и приобрело новые формы. Грамоте обоим не довелось обучиться, а доверять свои тайные дела помощникам было опасно, поэтому Авдей придумал передачу информации при помощи веток различных пород деревьев с определённым для разных случаев набором засечек и надрезов. Ветки эти прятались в дупле осины, которое знали их курьеры и каждую неделю, в бесснежное время года, проверяли тайник. Дополнительной нагрузкой на атамана стало пожелание Сергея контролировать весь разбойный люд от Пскова до Гдова, чтобы награбленное не утекало мимо кармана Поганкина. Уговаривать Авдошу долго не пришлось – он сам прекрасно понимал, что авторитет его среди лиходеев должен неуклонно расти и сурово расправлялся с теми, кто не хотел подчиняться. Большую помощь благодетель оказывал Авдею тем, что сообщал обо всех облавах на разбойников, которые затевал Митрофан Юдин. Для этого ему пришлось через подставного человека подкупить приказного дьяка, но потраченные деньги возвращались стоицей.

В конце лета Авдоша был приглашён погулять в трактир на окраине Пскова, недавно построенный уже хозяином «средней руки» Сергеем Ивановичем. Какого же было удивление Авдея, когда на пьянку-гулянку собралось с десятков таких же атаманов, как он сам, с разных сторон Пскова и даже земель отдалённых. Веселье продолжалось двое суток – столы ломились от разносолов и бражных напитков – хозяин не поскупился на угощения. Разбойники делились опытом, рассказывая об успешных засадах и неудачных налётах, хвастались приёмами и оружием в своём опасном деле. Одна из шаек, стоявшая где-то недалеко от Узмени, промышляла на Ливонском берегу, переправляясь на лодках или по льду Чудо-озера. Однажды в тумане им

удалось наскочить на торговый ладейный караван – вот тогда и кровушки пролили и товаров взяли богато. Больше других Авдея удивил атаман из Доложского погоста по прозвищу Доломан. Он не был похож на других разбойников своим обликом: на большой круглой голове отсутствовали волосы; бороду, от уха до уха, окаймляла редкая рыжая борода с усами, между которых выступали мясистые губы; всё это дополнялось огромными выпученными глазами. Поначалу он напоминал безумца, но когда Поганкин представил его как волшебника и попросил показать то, что тот умеет делать, все сразу затихли. Доломан потряс головой, завохтал как курочка, помахал длинными рукавами холщовой рубахи и начал вытаскивать куриные яйца из рта, ушей и других разных мест. Это действие настолько поразило разбойничью братию, что некоторые начали тереть глаза кулаками – не привиделось ли им. Раздались пьяные возгласы восхищения, а Авдоша подошёл ближе к волшебнику и начал внимательно смотреть, стараясь понять, как он это проделывает. Тот, ещё больше выпучив глаза, увеличил скорость манипулирования яйцами. Авдей неожиданно резко схватил Доломана за рукав и раздавил в нём, видимо, варёное яйцо, но получил удар кулаком в лоб, от которого отскочил к зрителям. Началась драка, такая, что Поганкину стоило больших усилий унять гостей, едва не перешедших к поножовщине. По его команде в горницу ввели молодых баб, после чего разбойники переключились на следующее угощение.

Утром опохмелённых гостей посадили на лошадей и они тайными тропами разъехались по своим вотчинам.

Перед самой зимой Авдоша заказал Поганкину зимних припасов и инструментов целый обоз, доставить который нужно было в другой район. Ещё несколько лет назад он приглядел новое место для зимовки, где можно построить более удобное логово. Правда, оно было расположено слишком близко к тракту, но топкое болото и непреодолимая гнилая речка делали высокий сосновый бугор с примыкающим озерцом недоступным для любых охотников. Авдей задумал изготовить разборный тайный мост, благодаря которому на место стройки можно было переправить лошадей с телегами.

К приезду обоза переправа как раз оказалась готовой – всё перевезли, вернули лошадей и мост разобрали, а через неделю полетели первые белые мухи – начиналась зима!

Два десятка лихих строителей под руководством атамана вначале выкопали просторную землянку с очагом наподобие горищенской, а потом принялись возводить целый дом на крутом южном склоне. Всю зиму стучали топоры, работали пилы, но главное – было занятие, не дающее предаваться унынию от безделья. К весне целый терем красовался среди могучих сосен. Самые работающие разбойники, любясь творением своих рук, восклицали: «Да, отгрохали мы дворец на славу!» Лентяи замечали: «Вот только придётся ли пожить в нём? Ведь найдут слухивые людишки и спалят». На что атаман отвечал:

– Сожгут – на новом месте построим, главное самим ноги унести, если облава будет. А на этот случай, да и чтобы не скучно было, будущей зимой пророем подземный ход на край бугра. Вот так!

Начиналось очередное лето. У Авдея на голове появились первые седые волосы, да и борода стала уже не такая шелковистая, как раньше. В тереме оставили двоих убогих лиходеев для поддержания порядка, а остальным было строго-настрого приказано – до зимы сюда не заявляться и беречь это место в тайне.

В самую жару после нескольких успешных налётов на большой дороге Авдоша получил сообщение от Поганкина о том, что помощник воеводы собирается до осени прожить на тракте, дабы покончить с разбоем. И ещё сообщалось, что за голову каждого разбойника обещано по рублю серебром. Долго думал атаман – что же делать дальше? У Митрофана Юдина много хорошо вооружённых людей и если они поселятся на дороге, то беды не миновать. В памяти всплыл чернобородый и события, предшествующие его гибели. Всю ночь Авдей ломал голову и лишь под утро вспомнил сборище атаманов в Пскове, один из которых хвастался, как на

Чудо-озере они ограбили ладейный караван. Единственный выход из создавшегося положения – надо перебраться на время к большому водоёму подальше от тракта и заняться новым видом разбойного промысла.

Утром, собрав всех, атаман сообщил:

– Вот что, дружки мои подельники! Задумали служивые людишки долгую облаву на нас устроить – на днях и до самой осени стеречь тракт будут. Нам нужно перейти на новое место до лучших времён. Даю вам день на сборы, а завтра с утречка в путь выходим. Куда – не спрашивать, а приведу – увидите.

Целый день с полсотни разбойников двигались на запад, в основном по сосновым гривам и болотинам, а к ночи разбили лагерь на высоком острове во мху. Утром одноглазый Иван заявил атаману:

– Авдоша! Я же родом из этих мест, и мы не далеко от зимнего...

Авдей ладонью закрыл рот старому подельнику и, отведя того в сторону, прошептал:

– Никто из новеньких не должен знать нашего логова, поэтому помалкивай.

Собрав всех в круг, атаман начал объяснять суть предстоящих дел:

– Здесь рядом течёт речка, впадающая в Чудо-озеро, на котором мы будем стеречь купеческие ладьи – дело такое же, как и на большой дороге, только на воде.

Из круга раздался недоумённый голос:

– А где ж мы спрячемся? Ведь там кустов да оврагов нет.

Атаман, сделав паузу, ответил:

– Нашей засадой будут туманы, которые уже скоро начнутся. С сегодняшнего дня Ивашка с малым отрядом будет шарить по береговым деревням. Им нужно будет угнать несколько ладей с вёслами, якорями, верёвками, баграми, крючьями. И всё это надо сделать тихо, чтобы шума лихого слышно не было! Лодки следует перегонять в речку, что около нас. Все остальные будут добывать пропитание охотой да ловлей рыбы недалеко отсюда, а если кто полезет по дворам местных жителей – зажарю на углях!

Отправляя группу из восьми человек, Авдей делал последние наставления:

– Идите сразу в дальние деревни, и если попадётся худая ладья, перегоните её в другое село, чтобы рыбаки подумали, мол, это соседи балуют. И никакого грабежа, а то слух дойдёт до Юдина и тот сразу догадается, куда мы подевались. Лодки перегоняйте по ночам, и всем слушаться Ивана – он из здешних мест, не даст заблудиться.

Через неделю первая ладья «пятерёнка» стояла в речке недалеко от разбойничьего табора. Авдоша внимательно осмотрел её, прикинул – сколько человек разместить можно, сколько за три пары вёсел гребцов посадить.

Дав денёк отдохнуть Ивану, Авдей сменил команду и отправил отряд в другую сторону, но с той же целью.

На следующий день, под вечер, атаман, взяв с собой монаха, отправился на лодке к озеру. Целью его было ознакомление с береговой линией, глубинами, и самый главный вопрос – когда же начнутся туманы? По речке пришлось попотеть, толкаясь вёслами, как шестами – узкое русло реки не позволяло грести, но при наличии большого количества людей это обстоятельство не вызовет затруднений. К началу вечерней зари перед глазами Авдея предстало невиданное доселе зрелище: бескрайняя гладь водного пространства сверкала ослепительной голубизной до самого заалевшего неба, справа больше ничего не было, а вот слева тёмной полоской угадывался противоположный берег. Где-то там, по рассказам Ивана, и должна быть узкая часть озера с названием Узмень, куда будут направляться торговые суда. Авдей ещё раз оглядел панораму – одиночная, видимо, рыбацкая ладья, медленно двигалась к берегу далеко в стороне. По темнеющему небу лениво парили белокрылые чайки, изредка издавая непривычные для уха сухопутного жителя звуки. Авдей с монахом сделали промеры глубины в устье и направили лодку в речку, где и остались ночевать, прямо в ней. Когда закрикали утки, и затру-

била выпь, заря догорела – наступила полная темнота, украшенная лишь россыпью тусклых звёзд на небе.

Перед рассветом с озера наволокло туман, который разбудил озябшего Авдея. Несмотря на неудобство, это явление порадовало атамана разбойников – значит, на днях можно будет выходить на настоящее дело! Однако поднявшийся вскоре ветерок быстро разорвал сплошную пелену, а взошедшее солнце растопило остатки тумана.

Через день Иван пригнал ещё две ладьи: одну такую же, как первая, а вторую поменьше, которая называлась у рыбаков «троённой». Теперь места хватит всей разбойничьей ватаге – оставалось ждать нужной погоды. Чтобы народ не маялся от безделья и, вспоминая ночную прохладу в лодке, Авдей приказал накосить сена, высушить и набить им по борту все лодки. Между тем, продукты питания заканчивались, рыба и утята-хлопунцы, в изобилии водившиеся в речке, изрядно поднадоели разбойничьей братии, требовавшей каши и хлеба.

По времени года уборочная страда была в разгаре, и Авдей решил посоветоваться с Иваном, знавшим местные устои.

– Скажи-ка, Ивашка: как можно разжиться харчами, не грабя и не привлекая излишнего любопытства?

– Да ты, Авдоша, меня прямо-таки озадачил! Впрочем, если забыть, что мы разбойники, то можно купить, ежели деньжата имеются – народ здесь есть зажиточный и жадноватый.

– Деньги есть, а как это дело проверить?

Иван, почесав затылок, задумался. Думал он два дня, а на третий, посоветовавшись с атаманом, к ночи отправился в знакомую деревню и договорился, правда, за немалую плату. Теперь хлеб и зерно начали доставлять в условленное место по означенным дням. Как удалось это сделать, Иван не рассказывал, да его особо и не расспрашивали – еды достаточно, а что ещё надо разбойному люду? Правда без дела сидеть скучно, но все понимали, что пока туманы не появятся, той работы, которую они ждут, не будет.

Однажды ночью заметно похолодало, а утром как будто кто-то вылил с небес молочную пыль, которая провисела в воздухе до самого полудня. Лиходеи начали готовиться к водному путешествию. Кроме Ивана, ещё один из разбойников по прозвищу Ёрш (из-за стоящих торчком волос на голове) был родом из береговой деревни и неплохо знал лодочное дело. Он, по приказу атамана, отправился обучать братию гребному искусству и готовить ладьи к выходу.

Иван с Авдеем долго обсуждали детали предстоящей разбойничьей операции.

– Давай, Ивашка, кумекай, как нам лучше действовать!

– А куда плыть-то вообще надо?

– Узьмень ты знаешь, вот нам перекрыть её и предстоит.

– Да, путь не близкий, а ночью или в тумане это будет сделать не просто.

– Я думаю, отчалить от берега нужно на вечерней заре, потом плыть по звёздам.

– Наверно, иначе и не получится, но вот как возвращаться, ведь при дневном свете можно и погореть.

– Возьмём с собой факела, а в устье речки оставим пару людей, они нам и подсветят дорогу ночью.

– А днём, если туман рассеется – что будем делать? Хотя в Узьмени есть острова нежилые, там можно будет спрятаться.

– Согласен. К тому же купцы не каждый день плавают. Возможно, несколько суток придётся в засаде просидеть.

На том и порешили, назначив выход на первый же ясный вечер. Следующее утро оказалось тоже туманным – погода не собиралась меняться. К очередной ночи четыре десятка разбойников на трёх лодках, пройдя речку, подошли к озеру и на заре направились к Узьмени. Поначалу, берега наш с чухонским были видны, и лодки двигались в нужном направлении. Но вот полностью стемнело, и тогда Авдей, находившийся на передней ладье, взял ориентир по

одной из рано загоревшихся звезд. Чтобы лодки не разбрелись в темноте, их связали длинными верёвками, а атаман периодически давал команду гребцам, регулируя направление движения.

Ночь выдалась ясной, безлунной и безветренной. Вскоре на небе выпали мириады звёзд – Авдей отыскал созвездие Ковша, определил Северную звезду и уже по ней продолжил движение. Неожиданно под передней ладьёй закрипел песок, а перед самым носом возник силуэт какого-то берега. Атаман дал команду всем зарыться в сено и спать. Перед самым рассветом опять навалился туман – все шло, как нельзя лучше. Утром Авдей отправил Ивана с Ершом обследовать берег. Через некоторое время они вернулись, сообщив, что это безлюдный остров на входе в Узьмень. Атаман, подумав немного, дал команду:

– Всем сойти на берег, размять косточки, наговориться негромко, сделать нужные дела и вернуться. Сидеть в лодках придётся беззвучно, возможно, очень долго, поэтому запасайтесь терпением.

Три ладьи, связанные верёвками, отчалили от острова и скрылись в тумане. Проплыв с половину версты, они легли в дрейф – началось томительное ожидание.

Когда к полудню видимость стала улучшаться, Авдей рассмотрел остров, около которого они ночевали, и ещё один в противоположной стороне – к нему и было решено плыть на следующую ночёвку. Обследовав новый участок суши, разбойники обнаружили на нём навесы, изготовленные из тростника, и вешала, наверное, здесь весной рыбаки сушили свои уловы. Но это было давно, а свежих следов пребывания людей не наблюдалось. Иван, обходя остров по щиколотку в воде, попортил ногу, наступив на что-то острое. Он не поленился и откопал из песка какой-то ржавый железный предмет. Разбойники, между тем, оборудовали место под навесом для дальнейшего времяпрепровождения. Один из них, в прошлом знакомый с кузнечным делом, повертев в руках находку, сообщил:

– Это меч, выкованный очень давно. Видимо, здесь когда-то рубились насмерть. Вот, даже зазубрины на лезвии ещё видны.

Иван согласился:

– Мне дед рассказывал, а тому его дед поведал, что много лет назад в этих местах произошло Ледовое побоище. Княже Александр разгромил и утопил здесь войско поганых рыцарей, пришедших с чухонского берега.

Авдея заинтересовало то, о чём заговорил Иван, и он в продолжение темы спросил:

– А что ты, Ивашка, можешь ещё рассказать о здешних местах?

Иван, немного смущённый повышенным вниманием разбойничьей братии, продолжил:

– Вон видите, на нашем берегу гора выступает из-за леса – это Княжья гора. Наверное, на ней стоял Александр, осматривая местность, ведь с неё вся Узьмень как на ладони. Отсюда, скорее всего, и название получила эта возвышенность.

Иван на время замолчал, вспоминая что-то, а потом, словно очнувшись, продолжил:

– А ещё дед сказывал о том, что раньше уровень воды в Чудо-озере был ниже, поэтому вход в Узьмень составлял всего сотню саженой. На краю его и сейчас стоит остров, на котором были когда-то камень высокий с дозором. Около него ещё река впадала с нашей стороны – то был водный путь на Новгород. Сии проходы перегораживались брёвнами на цепях, и торговые ладьи пропускались только после уплаты пошлины. Место это называлось «обидным» – кто им владел, тот имел хороший доход, поэтому из-за него не раз происходили кровопролития.

После паузы кто-то задал вопрос:

– Ты лучше скажи, Ивашка, где самое удобное место для прохождения торговых караванов?

Иван встал с песка, покрутил головой и начал взбираться на стоящую рядом раскидистую, наклоненную ветрами, огромную иву. Вскоре с высоты донёсся его голос:

– А вот как раз около этого острова и будет кратчайший путь, хотя в сильный ветер или туман может быть выбран и другой маршрут.

Ещё два утра разбойники провели безрезультатно – никаких передвижений лодок, а тем более караванов, не наблюдалось. После высадки на тот же остров, когда все дремали под навесом, раздался голос дозорного:

– Вижу караван под парусами!

Авдей влез на наклоненную иву и начал рассматривать приближающуюся добычу. Когда вереница судов приблизилась, оказалось, что это десять очень больших посудин (таких атаман ещё не видывал), двигавшихся с попутным, недавно начавшимся, северным ветром. На всех судах угадывалось движение людей, и Авдей, оценив соотношение сил, понял, что эта добыча им не по зубам. Долгое время атаман находился в раздумьях: «Караваны ходят – уже это хорошо. Первый очень большой, но, очевидно, будут и поменьше. В тумане повстречаться с купцами шансов мало, да и можно напороться на какое-нибудь военное судно, а посему утренние выходы следует отменить. Необходимо усилить дозор, быть всё время наготове и действовать по обстановке». Сообщив подельникам об изменении дальнейших действий, Авдей выслушал доклад кашевара о том, что продукты питания на исходе. После минутной тишины послышались возгласы:

– Мы здесь скоро с голода перемрём!

– Надо возвращаться на большую дорогу – она прокормит!

– И зачем нас сюда принесло, можно было...

Атаман, уловив настроение ватаги, зычно рявкнул:

– Молчать!!!

Наступила тишина. Авдей продолжил:

– Никуда мы отсюда не уйдём, пока дело не сделаем. А сейчас я хочу услышать предложения – как раздобыть пропитание?

Первым заговорил Ёрш:

– А что тут думать – вон на чухонском берегу деревня рядом – ночью налететь и разжиться харчишками.

Иван, как всегда почесав затылок, нудно сообщил:

– Можно рыбы наловить – окунь уже жировать должен начать, а в одной из ладей я нашёл горшок с секухами (блеснами) и конским волосом.

Высказывания закончил Алёшка-кашевар:

– Не проще ли отправить одну ладью на наш береговой табор – там едоков мало, а зерна с хлебом поставщики принесут сколько надо.

Подумав немного, Авдей подвёл итог:

– Сегодня вечером на малой лодке четверо с Ершом отправятся на берег в наш табор. И чтобы день там, а к ночи опять сюда с харчами. А ты, Ивашка, налаживайся за рыбой, но только на зорях и недалеко от острова.

До конца дня Иван вырезал четыре рогатых сучка из ивы; связал и намотал на них конский волос сажени по четыре; привязал секухи, похожие на свинцовые рыбки с торчащими из хвоста двумя железными заострёнными крючьями. Троим, изъявившим желание ловить рыбу, объяснил:

– Эта снасть называется подмоток. Разматываем волос и бросаем секуху за борт. Нащупываем по весу дно и подматываем нить так, чтобы приманка висела в верхушке от грунта. Крепим волос в расщепе подмотка и начинаем им махать. Если почувствуешь удар или тяжесть, рывком кверху секи и, не давая слабины, тащи за нить в лодку. Вот и вся премудрость.

На вечерней заре Авдей, переговорив с Ершом, отправил малую лодку в противоположную от заката сторону, а Иван на другой ладье вышел на рыбный промысел. В полной темноте рыбаки вернулись без улова – спать все ложились с чувством голода.

Едва забрезжил рассвет, а Иван уже был на ногах. Туман сегодня отсутствовал, но зато небо заволокло серыми облаками, предвещающими изменение погоды. Ивашка с трудом под-

нял спящих помощников и насильно, с крепкими словами, повёл их к берегу. Те отругивались, но подчинились, столкнув лодку в воду, отправляясь на бесполезное, как им казалось, дело. Попробовав безрезультатную ловлю в двух местах, Иван заметил, что между островами начали собираться чайки – вначале пара, затем десяток, а вскоре целая стая начала роиться над водой. По команде опытного рыбака, гребцы направили лодку к этому месту. Въехав в середину чайного пиршества и бросив якорь, Иван понял, что птицы ловят снетков, которых, в свою очередь, гоняет какая-то более крупная рыба. Едва секуша опустилась в воду, сразу последовал удар – первый, размером с ладонь, окунь лёг на дно лодки. И понеслась ловля у опытного рыболова непрерывно, а новички не так успешно, но тоже начали таскать полосатых разбойников. Ближе к середине дня в лодке копошилась гора рыбы, но азартные ловцы не могли остановиться, несмотря на предупреждение атамана о том, что заниматься этим делом можно лишь на зорях. Начавшийся ветер поднял волну и только тогда Иван понял, что надо было уже давно возвращаться на остров. Авдей приготовился устроить показательную выволочку не выполнившим его приказ рыбакам, но, когда увидел улов, ограничился лишь предупреждением на будущее. В таборе закипела работа: в несколько ножей начали потрошить рыбу; развели бездымный костёр из высушенного заранее плавника; заварили котёл ухи. Самые нетерпеливые насаживали окуней на прутья и, запекая на огне, поедали их наполовину сырыми.

К вечеру ветер усилился – островерхие, порой с барашками, волны накатывались с рёвом на песчаный берег острова. Цвет воды из зеленовато-синего превратился в мутно-жёлтый. Авдей понял, что сегодня лодка с продуктами не придёт – шторм не позволит. Всё же по его команде были приготовлены факела и выставлены ночные дозорные.

Не прибыли посыльные и следующей ночью, хотя ветер ещё днём стих и Чудо-озеро угомонилось. Среди разбойников уже пошли разговоры: «На одной рыбе долго нам не протянуть, а Ёрш с припасами мог и сгинуть».

Следующим утром неожиданно раздался голос дозорного:

– К нам движется ладья с чухонского берега!

Атаман влез на иву и долго всматривался в приближающееся судно, потом сообщил:

– Это Ёрш!

И сам себе вслух задал вопрос:

– Но почему с другой стороны?

Лодку встретили всей ватагой и сразу же начали разгружать, один только Алёшка, удивившись, что продукты прибыли, принялся застряпню. Авдей отвёл в сторону Ерша – тот начал рассказывать, жестикулируя руками:

– С продуктами всё в порядке, а приплыть сразу не смогли, потому что шторм разыгрался. Вчера вечером вышли, но к темноте тучи набежали, и мы сбились с курса – пришлось ночь провести в дрейфе.

Ёрш сделал паузу, потупился, потом продолжил:

– Снесло ладью ночью к ненашенскому берегу, а утром мы заметили рыбака чухонца, плывущего на доске. Их лодку перевернуло накануне во время бури. Взяли к себе – бросать как-то не по-христиански, молоденький ведь совсем, да и намаялся бедолага – не приведи господь.

Авдей опешил:

– А где он?

– Да в ладье, между мешками с харчем лежит.

– По нашему-то он хоть лопочет?

– Плохонько, но понять можно.

Атаман вернулся к лодке, которая была уже разгружена. Около неё, в кругу гогочущих разбойников, стоял незнакомец. Авдей разогнал бездельников, определив им работу, а сам принялся рассматривать чужака.

Одежда на нём была такая же, как и у его людей, вся в лохмотьях, а вот волосы на голове не стрижены по плечи, и глаза светлые немигающие. Такого взгляда, выражающего спокойствие и равнодушие, несмотря на пережитые события, атаман давно не видел.

– Как звать-то тебя, мил человек?

– Томмасс.

– Откуда приплыл?

– С Пийриссара.

Речь его была необычная – протяжная, но без заикания, как вначале показалось собеседнику.

– Много ли вас в воде оказалось во время шторма?

– Мы в твоём с праттом рыпу ловили, он, наверное, утонул.

Ведя беседу, Авдей вспомнил, как он сам попал к разбойникам и подумал: «Что же мне с тобой делать – живая душа, да и лишний рот тоже».

– Ну, вот что – кто мы такие, ты уже, наверно, понял или поймёшь скоро, а посему поживёшь пока с нами. Но если вздумаешь сбежать – враз закопаем. Понятно?

– Понятно.

В ожидании купеческих судов прошла ещё неделя – туманные дни чередовались с ясными, а лето, между тем, приближалось к осени. За это время атаман подолгу вёл разговоры с Иваном, Ершом и Томасом, стараясь узнать больше о предстоящих действиях на воде, в случае появления добычи.

– Как хоть правильно называются эти большие посудины?

Ивашка сразу ответил:

– Мы их прозывали барками.

Ёрш засомневался:

– А у нас такая посудина называлась байдак.

Ещё одну версию высказал Томас:

– Это есть карпас.

Авдею удалось выяснить, что под парусом этот карпас при хорошем ветре идёт ходко, а вот на вёслах при штиле медлителен и неповоротлив. «Пятерёнка» или «троёнка» быстро его настигнут. Гребцов на таком судне не меньше десятка, а вся команда может доходить до тридцати человек, и груза вмещается на нём под тысячу пудов. Авдей долго думал над всем сказанным, и постепенно у него сложилось представление о действиях его ватаги при нападении на большое судно.

Собрав вечером всех в круг, Авдоша начал:

– С сего дня все разбиваются на три группы по ладьям – на «троёнке» я и пятеро моих старых головорезов. Каждой из «пятерёнок» будут командовать Ивашка и Ёрш, они сами остальных разделят поровну. И чтобы слушались их на деле, как меня, а то сами знаете, что будет. Всем проверить оружие, крючья с верёвками, багры и сложить всё в лодки в таком порядке, чтобы каждый знал, что где находится. В любой момент, по моей команде все должны занять свои места, а Ивашка с Ершом мигом ко мне – получить последние указания. Надеюсь, что в нужный момент ни у кого не затрясутся коленки и не дрогнет рука – в нашем деле бояться некогда! Всё понятно?

Раздался писклявый голос Алёшки:

– А мне на какую ладью налаживаться?

– Ты и Томас останетесь на острове – без костра кашу варить будете! И чтобы к нашему возвращению она не подгорела!

Все дружно рассмеялись.

Через день, ближе к полудню, раздался голос дозорного:

– Вижу караван больших судов!

Авдей, не мешкая, взобрался на смотровое дерево, а все остальные, в предвкушении лихого дела, приготовились выполнить долгожданную команду. Атаман насчитал девять карбасов, двигавшихся с попутным ветром под парусами. Похоже, что это был тот же караван, прошедший неделей раньше, но в другом направлении.

– Нет, такую армаду нам не осилить, – с сожалением изрёк Авдоша. Он долго рассматривал недоступную добычу, проплывающую так рядом. Когда караван превратился в еле заметные точки, дозорный, сидевший на соседнем суку, резко вскрикнул:

– А вон ещё одна ладья!

Авдей резко повернул голову в противоположную сторону и увидел единственный карбас, видимо, отставший от каравана. Мгновенно, оценив обстановку, он дал команду:

– Все по местам!

Разбойники бросились к лодкам, а Иван с Ершом предстали перед атаманом, устами которого было сказано всего несколько слов:

– Скрытно на лодках, один обходит остров справа, второй слева. Как только я коснусь своим бортом купца, вы что есть мочи гребёте на подмогу. Всё!

Авдеева «троёнка» отчалила первой, и на двух парах вёсел, обогнув остров, понеслась наперерез торговому судну. По ходу движения атаман регулировал скорость и курс с упреждением так, чтобы встреча состоялась как раз напротив острова. Задумка Авдоши состояла в том, что, заметив с карбаса его, сравнительно небольшую лодку, никто не догадается о цели визита, и команда не успеет предпринять каких-либо действий. А когда поймут – внимание будет приковано только к нему. Основные же силы, до поры невидимые, должны подойти как можно быстрее, а иначе события могут произойти непредсказуемые. Авдей сидел на носовой доске, спиной к цели, изредка разворачивая голову, чтобы не привлекать внимание, отдавая команды гребцам и кормчему с рулевым веслом. В сене рядом с ним лежали пика, верёвка с трёххригом крюком, топор; в корме у рулевого также имелась замаскированная кошка. Когда между охотником и добычей была сотня саженей, атаман увидел, что около борта, ближе к носу, стоит бородатый крепкий мужик со сложенными руками на груди и наблюдает за ними. Кроме рулевого, торчащего у кормы, на палубе больше никого не было. До столкновения оставалось с десятков саженей – бородач замахал кулаками и что-то закричал, явно выражая недовольство. Но было уже поздно – Авдеева пика, блеснув на солнце наконечником, вонзилась прямо в грудь не подозревавшему такого оборота недотёпе. В мгновение ока атаман закинул кошку через борт карбаса и закрепил верёвку к носу своей лодки. То же самое было сделано и с кормы рулевым – два судна соединились. Разбойники без промедления перелезли на карбас (не такие уж высокие борта оказались у торгового судна, как казалось издали). Авдей первым делом перерубил верёвки, крепящие парус к палубе – скорость движения заметно упала. Затем глянул на корму – рулевой исчез, посмотрел на остров – одна из «пятерёнок» была уже на полпути, а вторая отстала. И тут на палубу откуда-то выскочило с десятков мужиков с заспанными лицами и обломками вёсел в руках. Началась бойня, в результате которой двое разбойников у кормы упали с проломленными головами. Атаман с тремя оставшимися поделниками, отмахиваясь топорами, отступили к носу. Команда карбаса, видимо, гребцы, плечом к плечу угрожаясь двинулась на незваных гостей. Повисла тишина... и в этот момент раздались дикие возгласы разбойников с приближающейся к карбасу «пятерёнки». Несколько защитников судна, оценив обстановку, бросились в воду через противоположный борт. Другие, оторопев, продолжали стоять, побросав дубины, очевидно, надеясь на милость победителей. Что было дальше – лучше не рассказывать. Авдей поначалу своей атаманской должности отпускал простых людей, но обжёгся на этом и, вопреки голосу из глубины души, перестал оставлять живых свидетелей своих преступлений.

Осмотрев добычу, атаман решил перевезти её лодками на остров, а карбас затопить. Груз судна состоял из мешков с зерном, рулонов льняной материи и бочонков с солониной. Но

самое ценное – сундучок с монетами – Авдей отыскал в над-трюмной пристройке под лежаком, наверное, того самого бородатого хозяина карбаса или его приказчика. Всё добро в два рейса перевезли на остров, мачту срубили, а в днище судна пробили отверстие. На закате солнца карбас полностью скрылся под водой.

Атаман решил без промедления, не разгружая лодок после второго рейса, отправиться к речке на моховой остров. Перед этим разбойники выкопали яму в песке – уложили туда добычу, привезённую первым рейсом, присыпали и замаскировали. Рядом похоронили погибших подельников. Томас работал вместе со всеми, хорошо понимая, что его судьба будет сейчас решаться. Когда всё было закончено, Авдей спросил его:

– Ну что, Томас! Поедешь с нами, или...

На что тот, не давая досказать вопрос, ответил:

– Не натто илли. Я етту с фамми.

Ясное небо и ранняя полная луна благоприятствовали лиходеям – они без труда нашли устье речки и около полуночи были на моховом острове. Там у костра спали четверо оставленных сигнальщиков. Авдей отвесил им по пинку за то, что не встречали в назначенном месте – ведь если не луна, то и сейчас плутали бы по озеру.

На следующее утро атаман отправил посыльного к тайному дуплистому дереву для передачи сведений Поганкину. Съестные припасы разбойники используют сами, а вот льняную материю, да в таком количестве, может купить только благодетель. Днём поднялся западный ветер, который притащил серую пелену рваных туч, обещавших к вечеру ненастье.

Иван вслух заметил:

– Дождь может зарядить на несколько дней.

Авдей, глянув на небо, дал команду:

– А ну-ка, ребята, всем навалиться на постройку навеса и дровами сухими запастись не помешает.

Разбойники вырубали жерди, закрепили их комлями к стоящим рядом деревьям с наклоном к усиливающемуся ветру. Затем переплели всё ивовыми ветками и густо накрыли еловым лапником. В заключение наносили тростника на подстилку – жилище для начала осени получилось весьма сносным.

Двое суток хлестал дождь. На третий день осадки прекратились, сквозь тучи начало пробиваться солнышко, но ветер не стихал. Иван, изнывавший от безделья больше всех, сходил на речку и, вернувшись, поделился своими соображениями с атаманом:

– Уровень воды в речке резко поднялся – можно на лодках с грузом подняться вверх по течению до самой горищи.

Авдей задумался, а потом согласился:

– Это ты неплохо, Ивашка, сообразил – запас еды нам нужен в нескольких местах.

Иван всё же засомневался:

– «Пятерёнку» будет, конечно, тяжело провезти, а вот «троёнка» пройдёт точно.

– Хорошо, загрузим одну маленькую лодчонку и вчетвером: ты, я, монах да Гаврилка завтра с утра и отправимся. Когда ты думаешь, ветер стихнет?

– Дня два, наверное, сушить землю будет.

– Ну, вот и ладно. Пока озеро утихомирится, мы и обернёмся.

С вечера лодку загрузили, в основном бочонками с солониной, а утром перед походом атаман дал задание двоим самым глазастым приглядывать за Томасом, дабы не сбежал.

Путешествие по речке заняло почти весь день – путь неблизкий, да и лодку местами протаскивали с трудом. К вечеру прибыли на место. Зимнее логово оказалось в полном порядке, за почти двухлетнее отсутствие никто его не нарушил. К ночи затопили очаг, прибрались, сготовили похлёбку и завалились спать.

На рассвете Авдей поднял подельников:

– Хватить дрыхнуть, просыпайтесь, нам ещё бочки закапывать, да и к вечеру надо вернуться.

Яму вырыли у подножья горищи, сложили бочонки, заровняли, присыпали листвой, чтобы глаз чужой не заметил. На обратном пути опять пришлось попотеть – уровень воды в речке заметно упал, и даже пустую ладью с трудом удавалось перетащить через незамеченные вчера препятствия. Почти в полной темноте прибыли на моховой остров и хотя ветер стих, решение всех остальных дел атаман отложил на завтра.

На следующий день вернулся посыльный с импровизированным письмом от Поганкина. Авдей долго рассматривал две ветки с насечками и понял, что на тракт выходить по-прежнему опасно, а товар любой Сергей Иванович готов принять на одном из мест, где раньше производилась передача награбленного добра. В своём же послании трёхдневной давности атаман сообщал благодетелю, что прибудет туда-то, в такой день с грузом льняной ткани, и нужно столько-то подвод. Всё сходилось – теперь первоочередной задачей стала доставка с острова второй половины добычи. Помимо этого впереди предстояла переноска части продуктов в новый терем.

Разбойничьи дела шли подозрительно хорошо, но так долго без беды не бывает – один из тайных соглядатаев Авдея сообщил, что в шайке пошли разговоры о дележе награбленного. Дуванить сундучок с монетами предложил Сморчок, кличку которому дал сам атаман за мелкий рост и ядовитый характер. Его поддерживают те, кто недавно в ватаге – мол, так раньше всегда делали. Нежданная новость вонзилась в душу Авдея, как заноза в ногу – и идти не даёт, и не вытащить никак. Думы о том, как избавиться от этой напасти, засели в голову атамана надолго. Делёж добытого добра сгубил не одну разбойничью ватагу, о чём рассказывал ещё Чернобородый. Авдей решил жестоко наказать зачинщика, но повременить до первых открытых разговоров.

На вечерней заре все три ладьи вышли в озеро и направились к острову. Томас, сидя за веслом, думал о превратностях судьбы: «Разбойники его спасли, а теперь вряд ли отпустят, хотя могут оставить на острове, но туда до ледостава никто из соплеменников точно не приплывёт. Могут проходить мимо русские рыбацкие лодки или купеческие суда, но не факт, что они его заберут. Дома ждёт мать с младшими братьями и сёстрами – тяжело им придётся – отец сгинул в озере уже давно, а вот теперь двух старших сыновей нет. Сбежать в ближайшее время не удастся – догляд за ним постоянный. Что же делать? Остаётся ждать удобного случая, который наступит, очевидно, нескоро».

Луна выкатилась на небосклон в эту ночь позднее, но, как и в прошлый раз, помогла разбойникам отыскать остров. Атаман, прикинув время, проведённое в пути, решил не рисковать, а при лунном свете загрузиться и сразу же отправляться в обратный путь. До рассвета должны обернуться, да и ночной маршрут уже достаточно изучен.

Томас, предвосхищая возможный вопрос Авдея, сразу по окончании погрузки, сам подошёл к тому.

– Я пы хотелл остатся с фамми и стать распойникомм.

Атамана удивила решительность чужака, но это ведь нужное качество лиходея. И он согласился.

– Хорошо. Об остальном поговорим позже.

С первыми проблесками утренней зари караван из трёх лодок благополучно вошёл в устье речки, изрядно напугав бодрствующих сигнальщиков. Полдня разбойники отсыпались после ночной работы, а потом сытно поели Алёшкиной стряпни. В конце обеда, когда ложки застучали по днищам мисок, раздался шепелявый голос Сморчка:

– Хороша кашка, и впору чашка! Но ведь мы рисковали головами, да жилы рвали не только из-за жратвы. Хотелось бы руками пощупать копеечки, что лежат в купеческом сундучке.

Авдей сразу понял намёк и спокойным, но громким голосом, чтобы слышали все, повёл диалог:

– Ты что предлагаешь разделить содержимое того сундучка?

– Да хотелось бы. Раньше всегда дуванили добычу поровну между всеми, кто был на лихом деле.

– А что ты будешь делать с деньгами в шайке?

– Могу в кости проиграть, могу подать нищему или закопать до лучших времён.

– Нет, ты будешь беречь добро своё, у дружков выигрывать копеечки, а спрятанное ихнее отыскивать. А в конечном итоге вы все перелаетесь и перегрызётесь.

– Ну, тогда подамся на вольные хлеба со своей долей.

– Уйдёшь ты, загуляешь, а тебя и сцапают служивые людишки. Да на дыбу подвешат, и расскажешь ты про нас все подробности – как из себя выглядим, где хоронимся, как нас лучше словить.

– Не попадусь!

– А если?

– А если – чёрт в кресле!

– Ну ладно, уговорил. В том сундучке имеется десять тысяч копеек серебром, нас сорок морд, твоя доля двести пятьдесят монет. Так?

Сморчок сглотнул слюну и, не веря своему счастью, выдавил:

– Так.

Атаман, сидящий всё это время на колоде, достал из-за пазухи кожаный кошель и кинул его себе под ноги.

– Здесь как раз твоя доля. Иди, забирай.

Сморчок засомневался, чувствуя подвох, но жадность подняла его на ноги и повела к такому желанному кожаному мешочку. Нагнувшись, дрожащей пятернёй он схватил сокровище и хотел бежать, но Авдеева левая рука схватила его за волосы, а правая, выхватив нож из голенища, всадила лезвие в живот. Сморчок завизжал, как поросёнок, упал и забился в конвульсиях, а атаман всё тем же спокойным голосом спросил присутствующих:

– Кто хочет посмотреть, что этот Сморчок вчера кушал?

Повисла тишина, прерванная спазмами рвоты Томаса, очевидно, впервые увидевшего подобную сцену.

– Кто-нибудь ещё хочет свою долю получить? Подходите!

На следующий день вся ватага двинулась к условленному месту для передачи груза Поганкину. У каждого за спиной на верёвках было закреплено по паре рулонов льняной материи. К вечеру у многих на плечах появились кровавые мозоли, но роптать никто не стал, вспоминая вчерашнюю расправу Авдоши над Сморчком. Переночевав в лесу у костра, разбойники с рассветом продолжили путь и к середине дня добрались до намеченного места. Там уже их ждал человек от Поганкина, передавший на словах послание Авдею:

– Сергей Иваныч занемог и отправил меня. Просил передать, что на тракте по-прежнему беспокойно – лучше там не появляться. Спрашивал, будет ли какой ещё товар до зимы кроме этого, и что нужно привезти и куда, в качестве оплаты.

Атаман выслушал знакомого по тайному сбору главарей в Пскове приказчика, посвящённого в их дела, и перечислил всё, что надо его ватаге для очередной зимовки. Обратный путь лиходеев к моховому острову проходил налегке и напоминал прогулку, по сравнению с предыдущими двумя днями. На ночёвке Авдей подробно расспросил Томаса о его семье и житье на другом берегу Чуда-озера. После чего атаман сообщил своё решение:

– Не нужно тебе Томас становиться разбойником. Душа твоя ещё чиста, руки не запятнаны кровью, а посему забирай одну из лодок и отправляйся на родимую сторонку! Сам бы так поступил, да грехи тяжкие не пускают.

Последний предзимний переход с мохового острова к терему для разбойников выдался самым тяжёлым – и груза много, и расстояние неблизкое. К удивлению Авдея, в доме не оказалось двоих сторожей, оставленных весной. По следам их пребывания стало понятно, что они ушли сами и давно. Что могло случиться, или какова причина ухода, оставалось загадкой. Атаману стало беспокойно – а если они попали к служивым людям и под пытками покажут разбойничий терем? После первых заморозков пришёл обоз от Поганкина – зимовка обещала быть комфортной и сытной. Никаких сведений от благодетеля о какой-либо опасности не поступило, и Авдей несколько успокоился, хотя какой-то внутренний голосок подсказывал: «Надо бы уйти отсюда от греха подальше». Атаман уже стал обдумывать возможность перехода на логово в горищи, но обильный ночной снегопад перекрыл все пути.

* * *

Этой зимой Авдей затосковал не так как раньше, а как-то особенно томительно. Да, по-прежнему во снах приходила Марьяна, что-то говорила ему, но так тихо, что ничего слышно не было, только губы чуть приоткрывались. Тоска другого рода охватила разбойничью душу – а что же дальше? Как жить? Вся эта лихая кутерьма порядком надоела, но в будущем ничего нового не виделось. В такие отрезки времени атаман уходил в лес на поиски берлоги или брался за лопату. Всю зиму разбойники по перемене копали подземный ход, на случай если их обложат – и вот он готов – опять начинается длительное безделье.

В середине марта ударили крепкие ночные заморозки, а днём, под жгучими лучами солнца, верхняя часть снежного покрова плавилась. В результате образовался наст, который с утра не проламывало даже лошадиное копыто.

Однажды на рассвете разбойники услышали топот и ржание лошадей. Никто не мог поверить, что такое может произойти, а Авдей сразу соединил предательство сторожей и крепчайший снежный наст – и вот облава. Не раздумывая, он отдал команду:

– Всем в подземный ход, врассыпную и низинами к тростникам, там лошади будут проваливаться!

Сам атаман решил уйти последним или вступить в бой. Когда нападавшие начали рубить дверь топорами, он разбросал угли из очага по полу – начался пожар. Огонь поначалу помог Авдею – те, за дверью замешкались, но едкий дым настиг атамана в подземелье уже недалеко от выхода, и он рухнул, потеряв сознание.

Очнулся Авдоша со связанными руками на саях при въезде в Псков. Лёжа на спине, он наблюдал проплывавшие купола церквей с крестами, крыши домов, макушки деревьев. Страшно болела голова – по вискам как будто били двумя молотками с противоположных сторон одновременно. Но эта боль, видимо, от угара, терпимая, а что будет дальше, один Господь знает.

Вторую неделю ежедневно Авдея подвешивали на цепях к потолку за запястья рук, связанных за спиной. После потери сознания его опускали, отливали водой, и в это время в подвал пыточной спускался Митрофан Юдин. Он уже допросил десяток разбойников, пойманных в ту мартовскую облаву. Двое из них выдали атамана и поведали под пытками всё, что знали. Из сказанного помощнику воеводы стало понятно многое, кроме имени «благодетеля», кому сбывалось награбленное добро, и которого не знал никто, кроме атамана.

В очередной раз Митрофан спустился в подвал. Усевшись на колоде, возле лежащего на земляном полу Авдея, начал допрос:

– Ну что, Авдошка, юродивым тебе прикидываться не к чему – всё рассказали твои поделньики. Осталось узнать – кому доставлял добычу?

Пленник решил не отвечать на вопросы мучителя – всё равно ведь конец, но доставлять радость этому упырю, ох как не хотелось.

– Эй, ребята! Поверните лиходея так, чтобы я видел его зенки.

Взгляды их сошлись ненадолго. Из разбойничьих очей как будто выдвинулись незримые крючья, вошли в Митрофановы зрачки и начали скрести ему по днищам глазных яблок. Поняв, что ответа не последует и, отведя взгляд, Юдин заорал:

– Поднять на дыбу!

Опять затрещали Авдеевы косточки и резанули болью надорванные жилы, но из его уст лишь вышел, едва слышимый, стон.

Митрофан был в бешенстве.

– Говори, разбойничья рожа, кому сбывал награбленное добро? Не скажешь сейчас, так с завтрашнего дня, кроме дыбы, тебе по пальцу плющить будут. Всё равно заговоришь.

Атаман вновь потерял сознание.

Тем временем до Поганкина дошла весть, что самый страшный разбойник с Сорочьего бора пойман и его усиленно пытаются. Непокойно стало Сергею Ивановичу – расскажет если Авдей об их делах, то не миновать беды. Надо что-то предпринимать. Долго думал купец средней руки и пришёл к выводу, что надо устраивать побег пленнику. Немало к этому времени у Поганкина было нужных людей по всей округе – ему не составило большого труда передать Авдоше, чтобы тот молчал и готовился к побегу. Несколько дней торговался Сергей Иванович с кузнецом монетного двора, чтобы тот устроил побег. Фёдор запросил огромную сумму и не уступал, а у Авдея, тем временем, на руках уже было раздавлено восемь пальцев. Кузнец не зря потребовал много за побег – дело непростое, опасное, да и половину барыша нужно отдать исполнителю, вернее исполнительнице. Задумка состояла в том, что богомольная старушка, которых много шастало по Пскову, вечером должна опоить зельем охрану, а ночью открыть нужную темницу. Сноха Фёдора разбиралась в отварах – теперь ей оставалось вырядиться в старуху да разыграть спектакль с охраной, используя их мужскую слабость к хмельным напиткам. Всё получилось по задуманному – ночью лязгнул засов и женский голос сообщил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.